

Иван Шаман

ГРАФ СУВОРОВ
КНИГА 15

Иван Шаман
Граф Суворов. Книга 15
Серия «Граф Суворов», книга 15

<https://litres.ru/73978086>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть желанней, чем переродиться в семье правителя?

Вот только появился я в Российской империи, погрязшей в интригах аристократов, локальных войнах и начинающейся смуте.

В империи, в которой технологии больше похожи на магию, а магия стала технологией: летающие корабли, бронеходы и техномагические доспехи.

Добро пожаловать в новый, такой знакомый и такой непривычный мир.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Иван Шаман

Граф Суворов. Книга 15

Название: Граф Суворов, том 15

Автор(-ы): Иван Шаман

Глава 1

— В открытом противостоянии у нас нет ни единого шанса. У нас меньше одарённых, меньше кораблей и откровенно хуже позиция, — сказал я, глядя на собравшихся в Генеральном штабе военных. — Но это не значит, что мы должны сдать! Более того, после сосредоточения войск Лиги Наций в Индии у нас появились все шансы качнуть чашу весов в нашу пользу.

— Ваше высочество, я прошу прощения, но всё, сказанное вами, — правда. По крайней мере, в первой части речи. У нас и в самом деле меньше войск, да ещё и рукав снабжения в южном регионе значительно длинней, ведь они пользуются всеми ресурсами союзников, — проговорил Мирослав, выразив общее мнение. — Возможно, я просто слишком стар и чего-то уже не понимаю...

— Мы постоянно обороняемся. Каждый день на протяжении всего конфликта, — ответил я. — Настала пора перейти в наступление, но не за территорию, а за умы! Ударить там, где враги не ждут — по их центрам снабжения на собственной родине.

— Вы предлагаете объявить полномасштабную войну? — ошарашенно проговорил один из генералов. — Напасть первыми?

— Нет. Я предлагаю лишь ответить зеркально — делать

то, чем занимается противник все последние годы: они подкупают наши элиты, выводят капиталы, снабжают деньгами террористические ячейки и готовят бомбистов, — сказал я, мерно стуча пальцем по столу. — Мы сделаем то же, но иными методами – ударим по их религии, по их военным и по их снабжению. Поможем их врагам и сепаратистам.

— По поручению его высочества мы подготовили список территорий, лидеры которых заявляют о независимости, — дождавшись моего кивка, сказал Багратион-старший. — В первую очередь, это территории, имеющие собственные вооружённые силы, хоть и разрозненные: Мексика, Техас, Северная Ирландия. Во вторую – это территории, не имеющие вооружённых сил, но настроения в которых обострились в последнее время: Филиппины, Каталония, Ланкастер...

— Горячих точек и спорных территорий в мире полно, — сказал я. — Каждая из них может взорваться как через несколько лет, так и прямо сейчас. Наша задача лишь выбрать самые уязвимые, подготовить сепаратистов, снабдить их оружием и деньгами, а в случае необходимости – воодушевить.

— Проблема лишь в том, что в обычной ситуации на это потребуются даже не месяцы, а годы... — возразил Багратион-старший. — А значит, действовать нам придётся слишком быстро и бить в самые слабые места.

— Верно. И первыми станут концентрационные лагеря в Ирландии, — ответил я. — Там содержат людей из Ирланд-

ской зоны – жителей, которые могли попасть под влияние искажения зоны после недавних событий. Далее – Нигер в Африке и Мексика в Северной Америке. Но перед этим мы должны понять, как именно действовать.

— Вы хотите начать массовый террор в странах наших врагов? — уточнил Мирослав. — Если это обнаружится, развяжет им руки для нападения.

— Нет-нет, никакого террора! У нас есть план, который выиграт нам немного времени и при этом сильно усложнит жизнь нашим противникам, — с улыбкой ответил я. — Но понадобится полная вовлечённость всех родов войск. Нужно будет закрыть небо над судостроительными губерниями и тщательно работать со всей информацией, вплоть до личных сообщений. И что бы вы ни узнали в этих стенах, дальше кабинета это уйти не должно!

Воздушное пространство Индии, штаб Лиги.

— Срочное донесение!

Расслабленные адмиралы удивлённо уставились на вошедшего офицера, замершего у входа, и формальный командующий поманил его к себе.

— Докладывайте, — сухо приказал индеец.

— Только что главнокомандующий армией и флотом Российской империи объявил о сборе резервистов, — отчеканил офицер, выводя информацию на экран. — Согласно нашим

данным, таковых может набраться до ста пятидесяти тысяч флотских, и до полутора миллионов сухопутных.

— Что за бред? — фыркнул герцог Девонширский. — У них нет кораблей для такого количества солдат, нет техники. Они их что, пешком в атаку погонят?

— Об этом тоже есть сведения. Сегодня же было объявлено, что линкор «Пётр Великий» возвращаете в строй, а вместе с ним – почти сотня других судов, ранее законсервированных из-за искажения, — продолжил офицер.

— Они совсем обезумели? Это же будет атака мертвецов... — скривившись, процедил штатовский военачальник. — Какого дьявола они творят?

— В этом плане русские напоминают самураев, — вступил в разговор японский принц Акимото, довольно высокий даже по европейским меркам. — Если они видят угрозу своей стране, то с лёгкостью могут пожертвовать собственной жизнью.

— Но они не нация самоубийц. Однако служба на фонащих диссонансом кораблях – это и есть самоубийство, — покачал головой индиец.

— Один вариант возможен, — вдруг проговорил японец. — Они закрыли зону, их кронпринц излечил тысячи искалеченных и искажённых, выжил в самом центре зоны. Так почему в нём не может проснуться сила, что способна нейтрализовать диссонанс?

— Потому что таких чудес просто не бывает, — зло бро-

сил подавшийся вперед герцог. — Это сказочки для легковерных!

— Так или иначе, вскоре у русских появится новая армия, которую они смогут выставить на южном направлении, — заметил штатовец. — Если мы не успеем быстро взять под контроль регион, то придётся сражаться с новейшими судами русских. А это может привести к неожиданно большим потерям. Особенно если они рискнут флагманом.

— На вашем месте я бы больше беспокоился о способностях цесаревича, — возразил принц Акимото. — Всем известна его способность делать суда невидимыми. А теперь представьте, что может сделать даже один корабль, тот же флагман, под такими щитами. Особенно учитывая его оружие Перуна...

— Вы зря разводите панику, — отмахнулся американец. — Мы уже нашли способ бороться с такой формой невидимости, и, если придётся, продемонстрируем его наглядно. Но до этого не дойдёт. Даже если юнец — вспыльчивый идиот, а это не так, он всё равно не осмелится нападать на наш флот. Ведь тогда мы сможем объявить им войну.

— Мы не собираемся объявлять войну одной из великих империй, — тут же ответил индус. — Это даже не обсуждается.

— Вы сделаете то, что прикажет вам ваш правитель, — усмехнулся герцог. — А он обязательно проконсультируется со своим представителем в совете.

— Именно. Но до тех пор, пока мы не получили приказ, мы не сдвинемся с места, — заявил адмирал. — Мы не станем теми, кто развяжет новую мировую войну!

— Не беспокойтесь. Хотите приказ – вы его получите в ближайшее время, — отмахнулся американец. — Мы все здесь взрослые люди и прекрасно понимаем, как делаются дела.

— Если вы вдруг считаете, что они делаются одинаково во всех странах, или что они будут свершаться так, как удобно только вам, то вас может ждать множество неприятных минут удивления, — улыбнулся принц Акимото. — До тех пор, пока император не подтвердит согласие на войну с Российской империей, наши войска останутся в тылу.

Мексика, восточное побережье.

— Мама, смотри, это птица? — закричал мальчик, тыча пальцем в небо, над которым только начинало подниматься солнце. Но мать лишь перекрестилась и, схватив ребёнка, постаралась укрыться в небольшой палатке. Ведь птиц с размахом крыльев в двадцать метров не бывает, особенно если эти крылья мерцают в предрассветной мгле.

Вспышка пронеслась по небу, словно метеор, и через несколько секунд над лагерем разнеслись удивлённые крики, а затем стрельба и почти сразу за ними — взрывы, после которых в небеса поднялись чёрные столбы дыма. Крики и

стрельба не прекращались, всё приближаясь к их укрытию, а затем, когда руки матери уже дрожали, прижимая сына к груди, вдруг повисла тишина.

— Вы свободны, — прокатились над лагерем громогласные слова, и, выглянув из укрытия, мать с благоговейным ужасом глядела на кружащего над лагерем ангела с огненными крыльями. — Ваши тюремщики ничего вам больше не сделают! Вы свободны!

— Соберите одежду и припасы, уходите и укройтесь на безопасном расстоянии, — запись шла по кругу, и хотя я ни слова не понимал, но до перевода текст составлял вместе с Ангелиной. Оставалось только надеяться, что смысл передан верно.

— Вы свободны! Уходите в безопасное место! — покружив несколько минут и убедившись, что основные отряды охраны обезврежены или уничтожены, я поднялся выше, туда, где меня ждала Ангелина на скоростном катере.

— Всё, как мы и предполагали, — сказала любимая жена, когда я присоединил костюм к судну. — Охраны почти нет.

— Потому что сопротивляться некому, — ответил я. — Тут почти одни женщины и дети. Мужчин нет, или они калеки.

— Думаешь, их угнали на работы в другой лагерь? — нахмурилась Ангелина. — Тогда надо и их тоже спасти.

— Надо, но нельзя отклоняться от графика. У нас все-

го несколько часов, чтобы разгромить четыре полицейских форпоста, — ответил я и, активировав резонатор корабля, вывел двигатели на максимальные обороты. — Наведём шороху, пока они не опомнились.

— Как скажешь, — улыбнулась супруга, потянув на себя штурвал, и перегрузкой мне вдавило органы в позвоночник, только чтобы спустя десяток минут меня чуть не вывернуло наизнанку при торможении. — Пятнадцать секунд до контакта.

— Держи маскировочную сферу, — отдышавшись, сказал я. — Я пошёл.

Я распахнул крылья и спикировал на только просыпающийся лагерь, взвыли сирены, несколько пулемётов загрохотало, метя в кажущуюся беспомощной фигуру. Но я не собирался подставляться и прикрылся полной сферой. К зенитным пулемётам добавились автоматы и личное оружие. Я видел, как из наскоро возведённых зданий охраны, даже не застёгиваясь на ходу, выскакивают заспавшиеся стражники. Штатовцы поставили мексиканцев сторожить собственных сограждан. Отвратительная мерзость.

А затем на землю обрушился очищающий огонь. Синее пламя поглотило пулемётные вышки по периметру лагеря. Техника взлетала на воздух от попадания бомб, а единственный одарённый в лагере оказался столь слаб, что я даже не почувствовал его щита. Проблему составили только два удирающих по дороге джипа, которые могли вернуться, но я не

дал им такой возможности.

— «И мир сгорел!..» — усмехнулся я, глядя на пожарище, устроенное моими силами.

К счастью, мои конструкторы оставались послушны, и всего через минуту после начала схватки огонь погас, высвобождая обходные пути. Делая круг за кругом над лагерем, я вновь включил сообщение.

— Вы свободны! Собирайте припасы и уходите! — именно такое послание я нёс людям, с высоты птичьего полёта наблюдая за тем ужасом, который заварили штатовцы в соседнем государстве. Мало им было марионеточного правительства, спонсирования и контроля наркокартелей, теперь ещё концентрационные лагеря для женщин и детей.

— Над следующим лагерем солнце взойдёт через семь минут, нам нужно поторапливаться, — напомнила Ангелина, и я поднялся выше, чтобы прицепиться к нашему шустро-му кораблику. Опаздывать было категорически нельзя, иначе это разрушит всю легенду, над которой трудилось столько отделов.

Рассветный ангел. Золотой ангел-хранитель, что приходит с первыми лучами солнца. Ангел апокалипсиса, что несёт притеснителям и неверным очищающее пламя. Мы придумали много синонимов и сейчас воплощали тщательно подобранный образ, который мог ассоциироваться со мной, но одновременно не был прямым доказательством российского вмешательства.

Ведь ангелы есть не только в христианской религии, но и в мусульманстве, и в иудаизме, и в... да почти везде. Даже в Скандинавии или у народа Филиппин есть свои крылатые посланники богов. Мне лишь требовалось воплотить образ, который знаком каждому с детства, и принести угнетённым и обиженным благовест.

— Вы свободны! Поднимайтесь против своих угнетателей или бегите! — вещали динамики моего золочёного костюма. — Собирайте припасы и уходите как можно дальше. Вы свободны.

Люди падали на колени, истово крестясь и молясь. Люди провожали ангела взглядом, а с первыми лучами солнца он исчезал в вышине, чтобы через несколько минут обрушить очищающее пламя на охранников следующего лагеря.

Первые пять раз нас не ждали, сработал эффект неожиданности. Но уже шестой лагерь встретил меня шарящими по небу прожекторами, злыми охранниками, палящими из всех стволов и пулемётами. Вот только после схватки с хозяином тайги, Екатериной или искажённой это было не больше, чем лёгкая прогулка.

У десятого лагеря нас уже поджидали патрульные катера и подогнанные к лагерю наземные орудия ПВО. Доспех "Архангела" показал себя во всей красе, выдержав несколько случайных осколков даже без царапин и позволив мне сосредоточиться на катерах. Не без гордости я отметил, что реактор-резонатор костюма и мой дар дают значительно больше

энергии, чем могут себе позволить судёнышки врагов.

Двигатели катеров с лёгкостью разлетались от первого же попадания бомбы. Щиты не выдерживали даже одного удара стихийного конструкта, а скорострельные пушки не могли сделать со мной совершенно ничего, потому что не попадали. Правда, приходилось двигаться рывками, и только после полной зачистки сделать несколько кругов поёта, чтобы оповестить выживших.

И вновь время поджимало. Но следующий лагерь, как и три за ним, сдались совершенно без боя. А причину мы с Ангелиной поняли на пятнадцатом. Сложно не заметить, когда весь региональный флот собирается в одном месте. Они даже подтянули один крейсер, что сводило наши шансы на нет. Вот только сегодня у нас и не было задачи уничтожить армию противника. Лишь спасти как можно больше людей из лагерей.

— Мы вернёмся сюда завтра, — подбодрил я Ангелину, когда девушка проводила взглядом укреплённый лагерь, над которым висел целый флот. — Зато теперь мы можем быть уверены – поблизости никаких войск не будет.

— Хорошо, — слабо улыбнулась Ангелина. — Только обещай, что потом мы навестим каждого из этих уродов.

— Обязательно, — кивнул я девушке. — Не останавливайся. Рассвет шагает по планете.

К нашему возвращению на родину катер почти сдох. Он

налетал свой предел буквально за одни сутки, но без всяких шуток я мог гордиться и техникой, и нами с Ангелиной. Двадцать тысяч километров при средней скорости в полёте больше тысячи километров в час. Мы сделали невозможное, вымотались по полной, истощив организмы, но цифры, озвученные Леонидом Багратионом, того стоили!

— Пока данные только поступают, но согласно сигналам СОС и вызовам подкреплений вам удалось уничтожить больше двухсот пятидесяти концентрационных лагерей, — довольно проговорил князь. — Даже по самым скромным предварительным оценкам на свободе окажется от сорока семи до ста двадцати тысяч человек. А учитывая, что войска союзников сконцентрированы на другом полушарии, устроить повторные быстрые облавы они не сумеют.

— Хорошо, — выдохнул я.

— Да, ваше высочество, это и в самом деле потрясающе! — подбодрил меня Багратион. — Однако не стоит забывать, что только на территории Мексики было задержано более миллиона жителей, потенциально подвергшихся искажению. Если всё пройдёт гладко, на их освобождение вам понадобится больше месяца. А ещё есть Ирландия и Африка — там ситуация не лучше.

— Мы и так сделали всё, что могли... — произнесла Ангелина. — Милый, даже тебе нужны еда и сон. Невозможно летать и сражаться сутками. Как и спасти всех.

— Это всего-то и значит, что я не должен спать в ближай-

шие пару недель, — усмехнулся я, прикрыв глаза. — Ничего... готовьте корабль-дублёр.

— В таком случае я безмерно рад, что мы на одной стороне, — с улыбкой проговорил Леонид. — Запасной катер будет ждать вас на Рубеже, до него вас доставит моё судно. Как раз успеете выспаться, пока мы пересекаем Россию с востока на запад.

— Всё верно, — кивнул я, без стеснения принимая предложение Багратиона. — Рассветный ангел не должен появляться во тьме или днём. В конце концов, мы не просто сражаемся, а создаём легенду. Так пусть она будет правдоподобней. Я отправлюсь, как только вы обозначите все местоположения лагерей. Так или иначе, но ангел спустится к ним с небес. А карающий или спасающий — будет зависеть только от них самих.

Глава 2

— Что у нас плохого? — спросил я, рухнув на кресло после перелёта в Петроград. До следующего рейда и подготовки техники оставалось несколько часов, и я решил посвятить их своим супругам. Вот только ломать порядок записей было нельзя.

— Отснятого материала хватит ещё на два дня, если мы сохраняем иллюзию траура, — ответила Ангелина. — Но я такой график не выдержу... прости. Это очень выматывает, а наши действия получили слишком широкий резонанс, чтобы не упоминать это в выпусках. Придётся работать в прямом эфире.

— Ничего страшного, я всё понимаю. Снимать обманку днём, вести передачи и тут же лететь на другой край света — не то, чего можно пожелать, — кивнул я.

Последние три дня мы крутили моменты, отснятые заранее, по ночам, оправдывая моё отсутствие на публичных мероприятиях трауром по погибшей матери. Наше с Екатериной сражение видели все, и пришлось постфактум составлять целый цикл из передач, объясняющих происходящее и пропагандирующих отказ от добровольного искажения.

Объявить о том, что Екатерина сама довела себя до такого из-за смерти младшего сына, было единственным разумным выходом. Остальные варианты несли куда больше вре-

да. Теракт, затрагивающий императорскую семью? Второй за пару недель? Нет, признания в полной некомпетентности главных служб государства мы не имели права делать. А так, личная трагедия, ставшая фоном для срыва.

После обсуждения плана с генштабом мы собрали команду монтажёров, выявили моменты, когда зрители смотрят на меня меньше всего, или я скрыт за цензурой, и записали полный комплект суточных видео на несколько дней. Так чтобы специалисты, которые будут покадрово изучать наши записи, не сразу поняли, в чём подвох.

— Тебе понадобится второй пилот, — заметила Ангелина. — Тот, кому мы можем доверять безгранично, кто не находится в публичном поле и при этом имеет хорошие навыки. Думаю, нужно смотреть в сторону твоей первой команды из однокурсников.

— Там нет пилотов твоего класса, — не задумываясь ответил я.

— Конечно, ведь я такая одна, — улыбнулась Ангелина, восприняв это как комплимент. — Но выбирать всё равно придётся. А ещё он должен быть как минимум учеником духовных практик, чтобы не сломаться от перегрузок и двенадцатичасового перелёта под щитами.

— И при этом мы не можем распространяться о том, что ищем такого человека. Поэтому выбирать придётся в самом узком круге и делать это быстро, — кивнул я. — Ладно, значит, только самые близкие...

— Михаил Долгорукий? — предложила любимая жена.

— У него неплохо получалось водить катера.

— «Неплохо» — это явно недостаточно, — ответил я, озадаченно потеряв переносицу. — Тем более что он, как стал капитаном лёгкого крейсера, так и не вылезает из горячих зон.

— Он просто старается доказать тебе и самому себе, что достоин стоять вровень, — ответила Ангелина, развалившись на кровати. — О боже, как хорошо! Я уже почти забыла, каково это — принимать горизонтальное положение не в кресле пилота. Это просто восхитительно, тебе явно стоит попробовать!

— Обязательно, когда покончим с лагерями, — ответил я, задумавшись. — Может, Вяземская? Она вроде хорошо управлялась в качестве пилота-перехватчика. К тому же она невеста Тарана, будет лояльна.

— Она была бы тебе лояльна, даже если бы не была его невестой. Правда, тогда её, скорее всего, прикончила бы Маша... — усмехнулась Ангелина, и в этот момент дверь распахнулась и в покои влетела первая супруга. Руки она держала по швам, а костяшки на кулаках побелели от напряжения. Не обращая на нас никакого внимания, она прошла в спальню и, схватив подушку, заорала в неё.

— А-а! Ненавижу! — прокричала супруга, да так громко, что даже сквозь подушку было прекрасно слышно. — Уроды! Беспольные бездари!..

— Вот теперь я, кажется, услышу, что у нас плохого, — усмехнулся я.

— Что?! — резко обернувшись ко мне, спросила Мария, но я уже шагнул через пространство и прижал девушку к своей груди. Первая жена тут же взорвалась, начала молотить по мне кулаками, причём в полную силу. Но я стойко вытерпел порыв её ярости, только затем, чтобы, когда она выбилась из сил и начала плакать, погладить её по волосам. Прошло минут пять, прежде чем девушка обмякла в моих объятьях и выдохнула.

— Как ты? — спросила Ангелина, сев рядом, когда мы переместились на кровать.

— Плохо... — буркнула Мария, а затем, глубоко вздохнув, ненадолго замолчала. — Остатки оппозиции в парламенте... дёргаются, вертятся, как ужи на раскалённой сковороде, пытаются выгадать себе каждую копейку.

— Не понимают, что времена изменились? — спросила Ангелина.

— Да нет, понимают. Просто пытаются урвать, словно в последний раз. Паразиты! — с презрением проговорила Мария. — Да ещё и слухи о переподготовке резервистов, резкое обострение в среде бывших военных, проблемы с... да везде!

— Кажется, сегодня я никуда не полечу, — усмехнулся я. — Раз меня не было всего три дня, а тут такое началось.

— Да ничего не началось! — раздражённо ответила Ма-

рия, вяло попытавшись отпихнуть меня, но вскоре успокоилась. — Ты тоже хорош. Думаешь, никто не понял, что это твоих рук дело? Даже хорошо, что мы разорвали всякие отношения со Старым Светом – они уже начали делать заявления о терроризме, освобождении опасных заключённых, военном вторжении и тому подобном.

— Пока они делают заявления по телевизору, а не направляют к нам войска, всё нормально, — ответил я.

— В этом плане я тебя могу поздравить, — кровожадно улыбнулась Мария. — Большая часть войск штатов возвращается на родину для защиты региона от террора. Но об этом тебе лучше Багратион расскажет.

— Он сейчас на Дальнем Востоке, занимается личным контролем за границей с Китаем, — ответил я. — Так что, скорее всего, не в курсе. Или не посчитал нужным сообщить при личной встрече.

— Не думаю, что дело в этом. До меня новость донёс Константин, пару минут назад... Тоже нашёл, на кого ответственность свалить!.. — фыркнула Мария. — К слову, он определился с должностями, так что решай, что делаем дальше. Записи нужно обновлять, один день ничего не решит.

— Решит многое, но несколько часов у меня есть, — ответил я и вызвал Багратиона-младшего на ковёр, а потом, только положив трубку, связался с Тараном. — Приветствую.

— Ваше высочество, рад вас видеть живым и здоровым... соболезную вашей утрате, — почти без запинки ответил Та-

ран, хотя я видел, что он в прямо сейчас в доспехе на передовой.

Рубеж.

— Третья когорта, займите позицию! Роты с пятой по седьмую, прикрытие! — командовал Таран, лично ведя полк избранных. Почти тысяча служителей ордена под его рукой, десять полных рот. Три из которых — одарённые в полной экипировке, с улучшенными доспехами и делением на звенья. Если бы только цесаревич знал, насколько пригодятся вводимые им штурмовые улучшения.

Над Минским рубежом рыскали перехватчики, обрушивая на прущих тварей волны огня. Артиллерия била залпами, да так, что небеса темнели от дыма, а затем расцветали кровавым рассветом от одновременно разгорающихся вспышек взрывов. Монстры, набравшие силы последние две недели, пёрли сплошным потоком, не замечая многотысячных потерь. Но хуже всего было не это.

— Певец на два часа! — раздался в наушнике голос одного из замов. — Чёрный ворон, с полным покрытием.

— Принял, — ответил Таран, переключаясь на внутреннюю связь. — Первая рота, наш выход. За империю! За императора!

— За императора! — тут же поддержали его крик сотня глоток, и Таран активировал реактивные двигатели. Со сте-

ны сорвалось несколько десятков резонансных доспехов, но вместо того, чтобы упасть в море тварей, они взмыли в небеса и тут же столкнулись со стаяй крылатых монстров.

Таран дёрнул подбородком, заставив доспех включить форсаж, разминувшись с невидимым для обычных людей клинком, пущенным старшей из тварей. Вероятно, когда-то это было человеком, но сейчас перед бурятом был лишь монстр. Исковерканное существо с крыльями вместо рук, кривыми ногами с непропорционально большими когтями, заменившими пальцы и пятку, и чудовищной силой диссонанса.

На гигантской скорости Таран влетел в тварь, обрушивая на неё всю мощь своего встроенного вооружения. Дробовики в наплечниках дали слаженный залп, перегружая диссонансные щиты облаком шрапнели, и в то же мгновение заработала автопушка под левой ладонью.

Тварь дёрнулась и попыталась увернуться, но бурят вновь врубил форсаж, рывком ушёл от пущенных один за другим конструкторов и обрушил на монстра проводящий клинок. Вложенной силы хватило бы, чтобы разрубить на части автомобиль, не то что сбросить с небес ненавистного монстра, но тот каким-то чудом остался на месте, даже замер, перестав на мгновение махать крыльями.

Рывок в сторону позволил Тарану уйти от нового выпада, доспех недовольно загудел моторами из-за перегрузок на технику, но послушно продолжал держать его в воздухе.

Вновь загрохотала автопушка, осыпая противника попеременно бронебойными и разрывными патронами, но тварь, будто издеваясь, смела все заряды одним взмахом крыльев, а затем завопила.

Волна силы диссонанса мгновенно обрушила все щиты, откинула капитана первой роты в сторону, а двигатели на мгновение вырубилась, и Таран, маша руками и создавая под ногами один конструктор за другим, обрушился вниз. Лишь у самой земли ему удалось стабилизировать полёт, а затем рвануть вверх, не давая твари ни мгновения передышки.

— Не давайте им выбраться из круга! — скомандовал бунт, вновь влетая в схватку и сбивая навалившихся на заместителя монстров. В отличие от певца диссонанса, нового вида тварей, которые начали появляться совсем недавно, обычные летучие противники уже стали привычны, и как с ними бороться, все знали.

— Залп на три! — услышал Таран отсчёт ПВО, и первая рота бросилась врассыпную. Доспех едва успел отрубить половину камер, закрыв объективы бронёй диафрагм, а в следующее мгновение небеса окрасились в оранжевый.

Огненный шар от множества взрывов выжиг фильтры камер, но что главное – ударные волны буквально разорвали сбившихся в одном месте тварей, лишив их возможности сопротивляться дальше. Осколки посекали крылья из искажённой плоти, и ослеплённые, израненные монстры стали лёгкой добычей. Кроме выжившего и закрывшегося щитами

диссонанса певца пустоты.

— Рука командира, ко мне! — отдал приказ Таран, бросаясь на тварь.

Не давая ей ни секунды, чтобы опомниться, прикрывающие засыпали монстра потоками пуль из мелкокалиберных наплечных пулемётов, предназначенных для сбивания ракет и снарядов. Снаряды из тяжёлых, стамиллиметровых пушек-бомбард, заставляющих воинов отлетать от отдачи, не позволяли твари ни на секунду открыться или набрать в лёгкие воздуха, а в это время Таран подлетел ближе и, всаживая в одну точку полную очередь из автопушки, обрушил на монстра проводящий клинок.

Щит диссонанса не выдержал, дрогнул, и в то же мгновение лезвие протиснулось в щель, пробив тварь на вылет. Монстр рухнул вниз, лишившись крыла, но Таран не собирался его так просто отпускать. Он перекувырнулся, головой вниз, оттолкнулся от пресса, врубил на полную двигателя, а затем, вытянув вперёд клинок, ударил тварь со всей силы, прошив насквозь её череп, и лезвие вышло из-под лопатки.

— Расширение!.. — выдохнул Таран, и резонансное лезвие увеличилось, расходясь во все стороны и разрубая тварь на неровные части.

Теперь к земле падали уже бесформенные куски мяса и костей. Пора было заканчивать со стаей, когда на приборной панели загорелся значок вызова.

— Ласка, займи моё место, — приказал Таран, выходя

из боя. — Ваше высочество, рад вас видеть живым и здоровым... соболезную вашей утрате.

— Вижу, я не вовремя, — проговорил я, глядя на фоновое изображение.

— Нет, всё уже в порядке, я только что закончил, — ответил Таран, тяжело приземляясь на стену Рубежа. — Вы что-то хотели?

— Да. Мне нужна будет помощь твоей невесты. Если ты не против. Задание на переднем крае, одиночное, — сказал я, не вдаваясь в подробности. — Какой у неё уровень раскрытия чакр?

— Земля, вода, немного огня и самый минимум воздуха, — без запинки ответил Таран. — Длительный вылет без отдыха?

— Да, ты правильно понял, но обсуждать такое стоит только под куполом тишины, — сказал я. — Что скажешь?

— Если это поможет, я только за, ваше высочество, — произнёс Таран, на мгновение отвлекаясь. — Не спать! То, что я вышел из боя — не значит, что все пошли отдыхать! Где ПВО, вашу мать? Прошу прощения...

— Ничего, я тебя услышал. И спасибо, я этого не забуду, — сказал я, и Таран, кивнув, выключил связь.

— Не нужно, дорогой, не переживай, — проговорила Ангелина. — Они лучшие, и они справятся. Их отряды стоят в первой очереди на снабжение, у них отличная подготовка и

все они рангом не ниже учителя. Даже если у них внезапно кончатся патроны и снаряды, они продолжают сражаться.

— В этом я даже не сомневаюсь, — усмехнувшись, выдохнул я. — Ладно... режим траура не нарушаем, но нужно что-то придумать с тварями... невозможно сражаться вечно. Я должен знать, что дела идут стабильно хорошо.

— Скорее, они идут просто стабильно, — ответила Мария. — Дорогой, может, хватит этого глупого геройства? Зачем тебе носиться по всему свету, спасая тупых людей.

— Затем, что каждая спасённая жизнь — это один не появившийся искажённый или даже несколько, если они сумеют взять в руки оружие и начать сопротивление, — ответил я, почувствовав ауру снаружи. Пришлось перейти с кровати за стол. — Заходите.

— Ваше высочество, вызывали? — спросил Константин, остановившись перед рабочим местом.

— Да. Присаживайся, — указал я в кресло напротив. — Ты определился?

— Да, конечно, — ответил Багратион-младший, протянув мне бумагу. — Это заявление об увольнении меня со всех официальных должностей. Я прошу освободить меня от обязанностей, с которыми не справляюсь.

— И я это сделаю, — кивнул я, беря в руки ручку и вычёркивая не устраивающие меня пункты. — Вот так.

— Внутренняя разведка и следственный комитет, — прочитал вычёркнутые пункты Константин.

— Именно. Это в три раза меньше обязанностей, чем у тебя было. А значит, ты с ними должен справиться, — сказал я. — Это твоя личная ответственность, и я полностью возлагаю её на тебя. Отчитываться будешь, как и прежде, только передо мной.

— Благодарю, ваше высочество, — не вставая, поклонился Константин. — Я не подведу вас снова.

— Не подведёшь, — кивнул я. — Иначе мне придётся отказать от твоей помощи и вернуть в Тифлис. Будешь заниматься делами семьи, возьмёшь себе жену... или трёх.

— Мне одной будет вполне достаточно, — усмехнулся Константин.

— Ну и отлично, — проговорил я, внимательно глядя на первого помощника, а затем вызвал в кабинет начальника караула и Василия. — С этого момента личной безопасностью будет заниматься Строганов. Предложение по имперской службе я жду в течение недели, а пока её возглавит первый исполняющий обязанности.

— Слушаемся, ваше высочество, — без запинки ответили все трое.

— Хорошо. В таком случае кто может отчитаться по положению на юго-восточном фронте? — спросил я.

— Если позволите... — вновь проговорил Константин, и я отпустил остальных. — Действия неизвестного ангела сильно повлияли на ситуацию в Мексике и Африке. Выжившие сбиваются в вооружённые отряды, а колониальным вой-

скам не хватает сил, чтобы их усмирить. Для этого саксы отозвали часть флота, прошедшего мимо Филиппин. Индийская армия пока сомневается и не хочет идти в атаку. Японцы явно в ожидании. Немцы едва справляются дома. Остаётся лишь Англия.

— Когда наши грузы придут в Ирландию? — спросил я.

— Вы уверены, что это того стоит, ваше высочество? Ведь это война. Прямое боестолкновение, — проговорил Константин.

— Формально – нет. Англичане поставляли оружие нашим врагам — османам. Подкупили твоего дядю... так что мы просто ответим им тем же: вооружим ополчение и дадим им шанс на честную битву с англичанами, — ответил я. — А если попробуют возмущаться и орать про нарушение их интересов, просто поймаем на двуличности, лжи и лицемерии.

— Вы же не станете воевать на территории Англии? — уточнил Константин.

— Нет. Только на территории Ирландии. Главное – обеспечить им отпор и добиться паритета в наступательных силах.

— Главное, дорогой, чтобы они тебя не ждали, — поцеловав меня в щёку, ответила Мария, и в душе что-то неприятно шевельнулось.

Глава 3

— Как думаешь, моя супруга умеет проклинать? — спросил я у Ольги, когда мы подлетели к условной точке, и вместе с баржей, которая должна была доставить оружие сопротивлению, обнаружили два десятка английских судов.

— Думаю, я не хотела бы это проверять, ваше высочество, — ответила Вяземская. — Возвращаемся?

— Нет... зависни и не дёргайся, — сказал я, размышляя над план.

— Простите, ваше высочество, но над чем тут думать? Против нас лёгкий крейсер, семь фрегатов и десять корветов с двумя гончими, — перечислила Ольга. — А на нашей скоростной яхте даже оружия нет, одни двигатели. А если вы решитесь на них напасть в своём образе – это будет прямое объявление войны.

— Отлети за зону видимости, мне нужно сосредоточиться, — сказала я, вместо того чтобы принимать аргументы Вяземской.

По большому счёту она во всём была права. Даже с невидимостью у нас не было ни шанса. Яхта была не предназначена для боя, только для быстрых полётов, а мои конструкторы не могли бить сколько-нибудь далеко.

Будь мы на «Гнев империи», я бы рискнул. Артиллерийский крейсер, с моими щитами и невидимостью, вполне мог

бы если не одержать победу, то, по крайней мере, потрепать вражескую флотилию, заставляя её отойти. Но даже в таком случае риск начала войны из-за вторжения — не то, на что хотелось бы пойти. Вот только и отдавать врагу вооружение и технику, я не мог.

— Держись ближе к воде, я уберу маскировку, — приказал я, и Ольга послушно отлетела ещё на десяток километров и почти села в океан.

У меня же в голове возникла дикая по своей авантюристичности мысль. Вчерашнему мне, с бомбами и огненными конструктами из синего пламени победить в этой схватке нереально. Но я изменился. Хоть некоторые и скажут, что не в лучшую сторону.

После гибели Екатерины, обезумевшей из-за искажения и саботажа, я обрёл новые силы, которые тренировал, но так и не смог полностью освоить. И сейчас это могло стать как отличным шансом, так и фатальной ошибкой. Рискнуть? Я обратился внутрь себя, настраивая меридианы, а затем через чакру звука пустил энергию к татуировке на левой руке. Поверхность океана покрылась едва заметной изморосью.

— Ваше высочество, пассивные радары зафиксировали облучение. Нас, скорее всего, не видят, мы далеко, но могут послать проверку, — предупредила Вяземская.

— Я тебя понял. Не дёргай штурвал, мне нужно сосредоточиться, — оборвал я девушку, вновь обращаясь к новой силе. Провести энергию, сформировать конструкт... через

секунду в воду упал крошечный снежок, хотя я создавал такую же бомбу как из синего пламени. Стало очевидно, что такая форма не подходит.

— Сигнал радара приближается, — предупредила Ольга.

— Ясно, не отвлекай, — буркнул я, продолжая эксперименты. Если сейчас ничего не выйдет, можно убираться с потерями в виде припасов для армии сопротивления. Но если выйдет... тогда можно и рискнуть.

В первую очередь нужно отбросить попытки создать что-то сложное, я слишком заморачиваюсь, на что нет ни времени, ни умений. Возьмём самую базу — одинарный объёмно-стихийный конструкт. Что может быть проще сосульки? Через минуту я понял, что и такого упрощения недостаточно.

Ну что сказать, я полтора года осваивал контроль стихии пламени, кто обещал, что лёд подчинится мне быстрее? Опыт — это замечательно, но...

— Десять километров, — предупредила Ольга, и я повесил маскировочную сферу на яхту. Самую обычную, не поглощающую, а размывающую. Один из первых моих корабельных конструктов, освоенных во время восточной компании. Да, потраченные месяцы и годы. То, что можно сделать лишь с опытом, не выйдет создать с полпинка. С другой стороны, получился же у меня снежок вместо бомбы?

Погрузившись в раздумья, я краем сознания отметил, что над нами пролетело несколько кораблей. Летели они медлен-

но, шаря по поверхности океана прожекторами, но по нам, вроде как, не прошли, и поводов для беспокойства не осталось. Поэтому я продолжил эксперименты, сконцентрировавшись на базовом конструкте седьмого ранга — ядре, используемом для пробития плоскостных щитов.

— Фух... Кажется, не заметили, — проговорила Вяземская, явно неспособная заткнуться, даже когда ей прямо приказали.

Я скривился, и чтобы сбросить раздражение, ударил сформированным ядром в поверхность океана. Крохотный белый шарик рухнул с такой силой, что поднял фонтан брызг, заставив Ольгу тихо вскрикнуть, а меня выругаться. Вот неприятность. Мало того что когда надо, он не работает, так ещё... я остановился, оборвав себя на половине мысли. Раздражение — предтеча холодной ярости Марии! То, чего я неосознанно добивался и искал всё это время, — якорь для использования стихии льда.

— Вот же тупая бездарность, — криво усмехнулся я, когда следующий шар получился меньшей силы. — Но теперь, по крайней мере, понятен принцип...

Раздражение переросло в холодную решимость, и раз за разом я формировал ледышки, постепенно сумев создать довольно стабильную, хоть и крайне слабую конфигурацию. Уже не снежок, но ещё и не сосулька. Скорее большая градина, размером с мой кулак. Запущенная с десяти метров, она почти мгновенно уходила на метр в воду, но затем быст-

ро теряла скорость. Рискнуть?

— Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, — напомнил я сам себе, снимая маскировочную сферу. — Иди по дуге, к северному побережью, к бухте Порт Ронан. Если я не прибуду туда через три часа, сворачивайся и возвращайся обходными путями. Не рискуй без надобности.

— Но ваше высочество, что вы задумали? — спросила Ольга, вновь вызвав раздражение. — Это же чистой воды самоубийство! Любая очередь из ПСО...

— С тобой – да. Без тебя я справлюсь, только лететь буду долго, — сказал я и, услышав, как Вяземская фыркнула, отцепил доспех от яхты, тут же включая прыжковые двигатели и вешая на себя маскировку, едва выступающую за пределы костюма.

Хорошо хоть Ольга не стала спорить, а врубила двигатели и на полной скорости начала удаляться от будущего места схватки.

Чем ближе я подлетал к вражеской эскадре, тем больше злился на себя, за дурацкую затею. На Ангелину, которая так не вовремя выбыла из игры и не оказывала мне помощь. На дурацких англичан, каким-то образом сумевших перехватить наш груз. На тупых ирландцев, которые это допустили. На...

Раздражение и злость постепенно превратились в холодную ярость, которую я продолжал культивировать, пока прямо надо мной не показались маршевые двигатели главного

судна флотилии. Сцепив зубы, я рванул вверх, и в тот же миг десяток орудий ПСО всех окрестных кораблей скрестились на мне и открыли подавляющий огонь.

— Как? — я успел лишь удивиться и шагом через пространство рвануть ещё выше, прямо под днище крейсера. Миг, и выпущенный мной град врезался в поставленные у самого днища щиты, пробил их, даже не заметив, и на полной скорости врезался в сопло, разрушив одну из турбин.

Смотреть на результат своих действий мне уже было некогда. Костеря себя и окружающих почём зря, я улепётывал, закладывая безумные фигуры высшего пилотажа, а враги ни на секунду не отпускали меня из прицелов, словно могли меня видеть! Но они не могли, и я был в этом на сто процентов уверен.

Шаг. Я в сотне метров от точки, где только что был. И всего пара мгновений потребовалась врагам, чтобы перевести скорострельные пулемёты. Я даже видел, как трассеры волной сворачивают в мою сторону, словно привязанные, но что хуже всего — они преследовали меня, независимо от того, применял я маскировочную или поглощающую сферы. Огонь не прекращался.

— Да как так-то... — не веря в происходящее, проговорил я, продолжая петлять как заяц.

Пусть меня пока ни разу не задело, но англичане грамотно держались по сторонам, разрывая расстояние, стоило мне приблизиться на дальность активации конструкта. И я уже

подумал, что пора делать ноги, когда вспомнил о копиях, и, взмыв вверх, создал пять абсолютно идентичных сферических щитов и раскидал их в стороны.

— Да ладно... — первым сбили щит, продолжавший мою траекторию движения.

Скорострельные пулемёты просто перечертили его с трёх сторон, но и остальные прожили немногим дольше. Пять-семь секунд, пока летели по прямой. И всё же это была маленькая победа — теперь я знал, что враги меня на самом деле не видят, ориентируясь по радарам.

Шаг. Три сферы расходятся в стороны, я сжимаю щиты до предела, ставя поглощающий конструкт, и тут же ухожу новым шагом через пространство, ведь все орудия врага бьют в одну точку — туда, где меня уже нет. Знание о том, что приоритетной целью будут пустые точки на радаре, обошлось мне в нескольких седых волос, но мгновенно окупилось, ведь теперь поглощающая сфера полетела в одну сторону, а я с тремя обманками — в другую.

Маскировка выиграла мне десять секунд и почти километр. За это время я сделал невозможное — выбрался из плотного окружения. До свободы оставалось всего несколько сотен метров и спешащий убраться с линии огня фрегат. Вот только это не входило в мои планы, и через несколько секунд и шагов я оказался на его обшивке.

Град в ближайшую башню, вывести из строя бортовое ПСО, рывком уйти от очереди в упор, прыгнуть на противо-

положный борт, оставив между собой и остальными судами корпус фрегата.

— Как же вы меня бесите!.. — выдохнул я, когда капитан, вместо того чтобы продолжать прежний курс, резко пошёл на разворот, не забывая осыпать меня огнём из всех орудий.

Шаг, и вот я под днищем, а очереди рассекают ночное небо над моей головой. Я вложил в удар всё своё раздражение и ярость, и ледяной конструкт с грохотом врезался в двигательный отсек судна, пробил его и ушёл куда-то вглубь корпуса. А через мгновение там раздался взрыв, и двигатели корабля умерли.

— Так вам!

Не успел я позлорадствовать и порадоваться собственной удаче, как меня накрыл перекрёстный огонь с нескольких направлений. Теперь били не только ПСО, но и главные орудия, которые зарядили фугасами с радиоподрывом. Небеса заполнились сплошными облаками стали и свинца, десятки дробинок вонзились в мои щиты, рассеивая конструкты, и только уход из-под атаки шагами позволил мне вырваться.

Отступившая было злость начала копиться с новой силой. Умные твари не собирались проигрывать или отпустить меня. Каким-то образом они умудрились выработать тактику именно против моих сфер невидимости, разработали программное обеспечение для радаров и орудий ПСО, и теперь имели все шансы меня прикончить.

Они выманивали меня!

Эта простая мысль ударила словно молния. Они меня ждали, рассчитывали, что приду именно я, и готовились меня прикончить. Они, недоразвитые, ущербные придурки, хотели моей смерти! Эти самодовольные кретины думали, что справятся со мной. Со мной! Наследником российского престола!

Шаг, маскировка, отвлечение, рывок, шаг. Я телепортировался на короткие расстояния, меняя направления движения и одновременно выпуская обманные сферы, а орудия противника сходили с ума, не в состоянии понять, где именно я настоящий. Ровно до тех пор, пока я не оказался под днищем очередного судна. Слаженный залп всей флотилии обрушился на пустое место, где я только что стоял.

А я, уже оказавшись прямо у двигателей, ударил крест-накрест проводящим клинком с ледяным лезвием по турбинам, рассекая их насквозь. Пять секунд, и я уже отпрыгнул в сторону, а лишившийся тяги корабль клюнул носом и со всё возрастающей скоростью понёсся к поверхности океана.

Мы на высоте больше километра, никто не выживет, — пронеслась в голове предательски приятная мысль. Ярость внутри меня клокотала, но я держал её под контролем, позволяя выходить вместе с очередным конструктом.

Шаг. И в то же мгновение поглощающая сфера ещё дальше, в сотне метров. Алгоритм орудий сломался: они посчитали, что я прыгнул дважды, а я ушёл вниз на двигателях и создал несколько пустышек на максимальном расстоянии от

себя. А как только поглощающая сфера лопнула, враги сменили тактику.

Теперь, стоило мне прыгнуть и создать обманки, суда обменивались целями и открывали слаженный огонь, стараясь отлететь как можно дальше от центра моего перемещения. Мне потребовалось несколько драгоценных секунд, чтобы понять манёвр командующего вражеской флотилией и отдать ему должное. Умно и безжалостно.

Какую бы цель я ни выбрал, достаточно мне приблизиться – и её союзники превратят пространство вокруг корабля в облако осколков и шрапнели. Ни одни одарённый, сколь бы хорош он ни был, не выдержит такого обстрела. И единственным логичным действием в такой ситуации стала бы атака на флагман. К сожалению, совершив несколько обманных шагов, я понял, что противник придерживается такой же стратегии.

Меня заманивали, и это, очевидно, была ловушка. Впрочем, кто я такой, чтобы в неё не попасть? Эти уроды решили, что меня можно победить хитростью?

Врубив двигатели на полную мощность, я понёсся прямо к флагману, делая шаги в стороны со случайной амплитудой. За моей спиной расцветали взрывы снарядов противовоздушной обороны, засыпающей всё мелкими стальными шарами, но мне было наплевать. Они хотят войны? Они её получат!

Залп трёх десятков орудий не застал меня врасплох, я

знал, что так и будет. Но вот мощностъ атаки оказалась ошеломительной – ни один объёмный щит не мог выдержать подобного натиска. Ни пресс, ни плоскостъ. Я попал в западню, как они и задумывали, и вначале всё вокруг засияло, стало светло словно днём. Сквозь броню и тактические наушники, отсекающие взрывы, раздался грохот, а затем всё заволкло дымом от взрывов.

Канонада не прекращалась несколько секунд, и мне оставалось лишь держаться в воздухе и усмехаться, накрывшись ледяной сферой, вызванной резонансом из другого мира. Лёд пошёл трещинами, но ни один шарик не сумел пробиться внутрь. А когда канонада стихла, я просто шагнул сквозь пространство, оставив падающий в океан ледяной шар, по которому продолжали стрелять ещё несколько секунд.

Ровно столько мне понадобилось, чтобы добраться до днища улепётывающего крейсера. Только в этот раз я не стал уничтожать маршевые двигатели, а врубился в них, вырывая куски ледяными когтями и пробиваясь в машинное отделение корабля. В коридорах звучали сирены, ко мне уже бежала абордажная команда, вооружённая по последнему слову техники, но я не собирался задерживаться ни на секунду.

Клинок с лёгкостью пробил металл нижней палубы, открывая дорогу дальше, а ещё через десяток секунд, не обращая внимания на молотящие по ледяному куполу снаряды ручных пушек, я врезался в реакторное отделение и несколькими взмахами клинка перерубил все агрегаты.

Сирены взвыли с новой силой. Люди в ужасе начали разбегаться, только десяток самых отчаянных пытались оказывать сопротивление, но я уже шагнул сквозь пространство, очутившись на свежем воздухе. И только спустя десяток секунд до меня дошёл смысл орущих на палубе сирен.

Крейсер взорвался в яркой огненной вспышке, освещая небеса и океан на много километров. Командир судна решил взорвать его вместе с экипажем, лишь бы заодно забрать меня! В другое время, возможно, я бы даже испытал уважение к самоотверженным морякам, но сейчас в душе не осталось ничего, кроме презрения и ледяной ярости.

Эти тупицы решили убить себя, вместо того чтобы сбегать или сдаться.

Они решили убить меня после того, как приговорили миллионы сограждан на смерть в лагерях рядом с зоной.

Они отбирали у мужей жён и детей, у матерей сыновей, а у дочерей отцов, отправляя их на фронт в чужую страну.

Они не заслуживали никакой жалости, только смерти.

Шаг.

Через три часа в небе над Северным проливом остался висеть лишь один корабль — торговая баржа «Братья Карамзовы». Островитяне под конец схватки попытались его утопить, но в результате потеряли ещё один корабль. Я же с трудом вывел себя из вынужденного транса и несколько минут просто висел на одном месте, пытаюсь осознать, что со мной

произошло.

Я сумел использовать ледяные конструкты, ни на секунду не показываясь из-под маскировочных сфер и щитов. Никто не видел даже моего доспеха, хотя это было слабым утешением. Но главное — формально весь бой проходил в территориальных водах и воздушном пространстве Ирландии.

Островитяне потеряли флотилию, но получили повод для начала войны, и теперь мяч оказался на их стороне. А баржа с военным снаряжением и припасами — на стороне Ирландцев. Оставалось только наблюдать и готовиться.

Глава 4

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Мария, когда я без сил рухнул в кресло.

— Скажем так, фигово быть тобой, — ответил я, и супруга нахмурила бровки. — Чтобы использовать твою стихию максимально эффективно, пришлось накачивать себя негативом, раздражением и презрением к врагам.

— Ты сумел использовать стихию льда? — Мария широко распахнула глаза.

— Это не проблема. Но чем сильнее эмоции, тем проще её использовать, и тем она мощнее, — сказал я, помассировав виски. — Впрочем, это временно. С огнём тоже вначале было не всё просто, а сейчас он стал частью моего энергетического контура.

— И? — уточнила первая супруга, усаживаясь напротив. — Ты можешь одновременно использовать две стихии или нет?

— Знаешь, как-то не до того было, — задумавшись, проговорил я, а затем, прекратив гадать, попытался создать огненный шар над правой ладонью и снежок над левой. Ничего не вышло. Перед глазами потемнело, я почувствовал, как нарастает эффект диссонанса и от греха подальше развееял оба конструкта.

— Нет. Пока не выходит, — резюмировал я. — Хотя, мо-

жет, и не должно. Борис использовал стихии последовательно, а не параллельно. Так что не факт, что это вообще возможно. К тому же, по ощущениям, это словно пытаться играть на одной гитаре две разных мелодии одновременно.

— Играй по очереди, кто тебе мешает? — усмехнулась Мария.

— И расшатать собственную психику окончательно, — вернул я улыбку первой супруге. — Спасибо, дорогая, но это не по мне. Хотя, возможно это лучше, чем постоянно находиться на нервах и втихую ненавидеть весь мир.

— Это ты сейчас обо мне? — подняв бровь, поинтересовалась Мария.

— Да, но ты, как выясняется, в этом не виновата, — ответил я. — Впрочем, раз я умудрился справиться с огнём, взяв его под контроль после пробуждения, значит, и со льдом получится. Нужны только время и практика.

— Боюсь, со временем у нас некоторые проблемы... — заметила Ангелина, вернувшаяся в покои. — Леонид только что передал информацию по Персии. Принца Атамалю обвиняют в отцеубийстве, против него объединились все правящие кланы. И англичане не бросились домой, как мы рассчитывали, а усилили давление на союзников. Сейчас объединённая эскадра Англии, Штатов, Индии и Японии сражается за контроль над Пакистаном с национальной гвардией. Но у тех нет ни шанса.

— Мы не можем вмешиваться в эту схватку, если у нас не

просили помощи, — нахмурилась Мария.

— Не можем. У нас и войск для этого нет, и повода. Но вот Атамаль, наоборот, как единственный законный наследник, послал официальное предложение альянса и просьбу о помощи, — сказала Ангелина, продемонстрировав документ на планшете.

— Всё, что мы можем — это поддержать его претензии на трон и обеспечить флотилию Амин-бея боеприпасами, — заметила Мария. — Наши ресурсы в данный момент весьма ограничены. Мы даже одну эскадру туда перенаправить не сможем.

— Ну, одну-то как раз можем, — возразил я после небольшой паузы. — Что с пограничным флотом Романа Суворова? Он должен контролировать рубежи с Китаем и Японией. Если соседи отозвали силы на юг...

— Лишь половина флота Японцев находится в Индии, вторая сейчас сосредоточена южнее Сахалина, — ответила Ангелина, сверившись с документами.

— Значит, отозвать его флотилию нельзя... — проговорил я, задумчиво. — Чёрт, одним кораблём такую проблему не решить! Даже десятью не справиться.

— Сказал человек, в одиночку расправившийся с английской эскадрой, — усмехнувшись, напомнила Мария.

— Вообще-то шотландской, — поправила её Ангелина. — И да, это было небольшое военное объединение, которое формально является частью королевской гвардии, так что,

пусть у них и нет доказательств, это нападение на короля.

— Потрясающе... — пробормотал я, прикрыв глаза. — Они уже сделали заявление?

— Нет, видео прислали, опубликовали предположение. Но спутать огнекрылого ангела и летающую ледяную сферу довольно проблематично, — заметила Ангелина. — А учитывая, что Пётр всё это время был на публике, и у России нет других одарённых со стихией льда такой силы — пока они не могут предъявить нам претензии. Вот только это означает, что использовать эти силы ты в ближайшее время больше не можешь.

— Ну почему? Может, если хочет начать мировую войну, — с едкой усмешкой сказала Мария. — Но проблема даже не в том, что у нас нет сил ответить на просьбу Атамая, у нас нет и такого права.

— А это ещё почему? — удивился я.

— Потому что ты, дорогой, пока лишь цесаревич, а не император, и без согласования парламента у тебя нет права вмешиваться в чужую войну, — пояснила Мария. — А после трагической гибели Екатерины ситуация в Боярской Думе крайне обострилась. Оппозиция отчаянно бьётся за каждое место, торгуясь как в последний раз. Но что хуже всего, у них откуда-то начали появляться деньги и сторонники!

— Хочешь сказать, что их финансируют англичане? — мрачно проговорил я. — Это государственная измена.

— С чего вдруг? Они не нарушают никаких планов, утвер-

ждённых парламентом. Не критикуют и не саботируют деятельность армии и вообще ведут себя крайне осторожно. В данный момент, — усмехнулась Мария. — Но как только они почувствуют, что сила на их стороне, или соберут фракцию, способную заблокировать принимаемые законопроекты, их будет не остановить.

— В данный момент у нас и Петра суммарно подавляющее количество голосов, — возразила Ангелина. — За нами народ и церковь!

— Так, они и не будут противостоять нам прямо. Они будут лишь затягивать заседания и принятия бюджета, аргументируя это борьбой с коррупцией, — пожал плечами, ответила Мария. — Оспорят закупочные йены для боеприпасов или медикаментов первой необходимости, инициируют проверку на местах... мало ли как можно усложнить работу государственного аппарата!

— Вообще, при нормальной ситуации он и должен так действовать, — возразила Ангелина. — Когда несколько фракций борются друг с другом, пытаясь поймать на превышении полномочий или воровстве. В конкуренции рождается нормальная политическая среда.

— Вот только у нас война, — сухо заметил я. — Нужно поговорить с лидером оппозиции, объяснить, что сейчас не время для их игр.

— Боюсь, ничего не выйдет. Сейчас оппозицию возглавляет Голицын, бывший любовник Екатерины, и он винит те-

бя в её смерти, — пояснила ситуацию первая супруга. — Можно попробовать подтолкнуть его к сотрудничеству с отцом, но и это маловероятно, ведь он не обвинил тебя, когда была возможность.

— Если у нас суммарно достаточно голосов, то, может, и к чёрту его? — спросила Ангелина. — Пусть себе бесится в загончике.

— Они слишком хорошо знают правила игры в политику, — недовольно фыркнула Мария. — Так что выкинуть их задницы из министерских кресел получится не раньше, чем Александр займёт трон и объявит о формировании нового кабинета. А до тех пор нам придётся с ними мириться. И естественно, они сделают всё, чтобы остаться на текущих должностях.

— А я не смогу занять престол без регалий власти и коронации патриархом, — проговорил я, прикрыв глаза. — Значит, в первую очередь придётся разобраться со Священным синодом и советом архиереев. Даже если мы активизируем все силы, это займёт не меньше месяца, а за это время Атамаль потеряет любые права на трон Персии.

— Именно этого они и добиваются, — кивнула Мария. — Даже если мы начнём договариваться и пойдём на поводу у министров – это недели две. Не меньше.

— Мы точно не можем помочь принцу без согласия парламента? — разочарованно спросила Ангелина. — Это же мы его спровоцировали на конфликт, обещали поддержать...

Без нас он бы не рискнул всем.

— Я бы сказала, что это просто политика, и он сам решил обострить ситуацию. Да ещё и отца прикончил, — фыркнула Мария. — Тем более после инцидента с Екатериной нам не слишком выгодно помогать отцеубийце – это плохо для нашей репутации. Но, с другой стороны, союзная Персия может взять контроль над регионом.

— Он нам нужен, — кивнул я, соглашаясь. — С османами нам не договориться, а значит, придётся рискнуть... Если мы не можем помочь Атамалю как государство, возможно, мы справимся лично. Тут нам никто не помешает.

— Конечно. Конечно... — фыркнула Мария. — Разве что мой дорогой супруг сумеет разделиться на несколько десятков одарённых третьего-второго ранга, способных воевать с четырьмя огромными флотами одновременно. В разных районах страны. Ты едва справился с небольшой эскадрой и одним лёгким крейсером. Но там будут десятки тяжёлых артиллерийских крейсеров и четыре линкора.

— Без шансов, — с сожалением покачала головой Ангелина.

— А может, и нет, — сказал я, заставив девушек удивлённо посмотреть на меня. — Правда, нам опять придётся обратиться за помощью к Максиму и его змею.

Посоветовавшись, мы решили, что мне стоит прибыть в лабораторию при Академии наук лично. Тем более, что просьба была совершенно необычная и требовала осторожности.

Но каково же было моё удивление, когда я напоролся на ша-стающих по коридорам пауков и крабов, навьюченных деталями. Учёные же в основном сидели в креслах, со шлемами, закрывающими всё лицо.

— Что здесь происходит? — спросил я у Краснова, войдя в центральную лабораторию.

— Ваше высочество, приветствую вас, — ответил Максим, не отвлекаясь от спекания лазером какой-то детали. — Присядьте куда-нибудь, я освобожусь через несколько минут.

Учитывая, что я пришёл с просьбой и не хотел обострять ситуацию сверх меры, пришлось послушаться. Да и понаблюдать было за чем.

По лаборатории носились роботы, какие-то многоногие пауки, скорпионы с манипуляторами вместо жала, собаки-грузчики и летали коптеры. Но ещё интересней было то, что они буквально собирали сами себя и принтеры, на которых печатались детали для других принтеров.

За неполные пятнадцать минут из квадратных шкафов, расположенных по углам лаборатории, вышло пятнадцать дронов, и было собрано ещё два таких шкафа. Учитывая, что в прошлый раз такое закончилось схваткой между мной и змеем, я тщательно осмотрел Краснова, но не обнаружил следов проникновения механоида в нервную систему парня.

— Прошу прощения за ожидание, — отвлёкся наконец Максим. — Как вам наше производство роботизированных

помощников?

— Впечатляюще! — признал я. — Только непонятно, зачем они тебе в таком объёме.

— Масштабирование воспроизводства, — ответил Максим. — Решение было не слишком простым, но зато уже через три дня, удалённо, мы сможем создавать и собирать любое производство в любой точке страны. Это, конечно, не завод с самосборкой, о таком пока можно только мечтать... Но учитывая эволюционные механизмы проектирования и испытания деталей, мы на верном пути.

— Эволюционные механизмы? — удивлённо переспросил я.

— Да. В вычислительных центрах берётся известная деталь, с понятными характеристиками, загоняется в систему проектирования, испытывается, а затем алгоритм чуть меняет её и испытывает вновь. Затем ещё немного и так далее, пока существенные положительные изменения не исчезают, — не без гордости ответил Максим. — Благодаря вычислительным мощностям, которые нам удалось воссоздать, этот процесс почти мгновенный. За несколько секунд происходят миллионы испытаний в виртуальном пространстве, а детали получаются меньше, легче и дешевле.

— Вы создали центр обработки под Академией? — уточнил я.

— Да! — воодушевлённо ответил Краснов. — Создать помехозащищённое помещение оказалось не так-то просто,

но мы установили подавители диссонанса, вкопали пластины проводящего металла, а за ними глухую бетонную стену. Пришлось, конечно, повозиться с электросистемой и охлаждением, но у нас всё получилось!

— И что эта система делает? — спросил я, напрягшись.

— Да всё что угодно! Миллиарды операций в секунду... только, судя по реакции, вам это не слишком нравится, ваше высочество? — нахмурился Максим.

— Ты как-то быстро забыл о том, как змей захватывал твоё тело и чуть было не убил меня, — ответил я, и Краснов нахмурился. — Что ты будешь делать, если он изолирует систему, возьмёт под контроль всех этих роботов и попытается убить всех людей в зоне досягаемости?

— Это не является моей целью, — спокойно заметил Змей, поднимая голову над плечом Максима. — И никогда не было. Я не стану проводить принудительную эволюцию в неподходящем для этого мире. К тому же наши интересы совпадают: моя задача, как и ваша, полное уничтожение червоточин, ведущих в миры энтропии и хаоса.

— Веры на слово тебе нет, — сухо сказал я. — А вот опасность становится весьма ощутима.

— Вы ошибаетесь, — безэмоциональным механическим голосом возразил Змей. — Моя основная задача, как и любого ЦАРя, это сохранение индивида, которому я ассистирую. До недавнего времени, вы активно содействовали распространению энтропии и росту количества одарённых, внедряя

обучение духовным практикам. Это вызывало существенные проблемы с нормализацией положения мира относительно порядка и хаоса. Однако вследствие ваших действий была закрыта одна из червоточин, что убедило меня в необходимости оказания помощи уже вам.

— Значит, мы временные союзники, пока не будут закрыты все зоны диссонанса? — уточнил я.

— Именно. Я сделаю всё, чтобы вы достигли успеха, — ответил механоид.

— Ну что же.. В таком случае я не против этого союза. Помощь мне и в самом деле нужна, — сказал я, внимательно следя за змеем. — Насколько нам известно, страны, чьи представители входят в Верховный Совет общества Тесла, занимаются сейчас захватом земель в Азии. С высокой вероятностью они планируют открыть новую зону на территории Пакистана, рядом с Индией и Китаем.

— Мир и без того на краю, мы должны это предотвратить! — горячо сказал Максим.

— Верно, — кивнул я. — И у нас даже есть для этого легальная возможность. Персидский наследный принц Атамаль Вахамеди попросил нашей помощи. Если мы её окажем и посадим принца на трон, то сумеем взять регион под контроль и выгнать сторонников общества. Это лишит их ресурсов и заставит отказаться от текущих планов.

— А что после? — уточнил Максим.

— После? До этого гипотетического «после» ещё дожить

надо, а победа на Востоке как раз выиграет нам достаточно времени, чтобы достроить ракету и попробовать закрыть польскую зону диссонанса, — ответил я. — Ты сам говорил, что тебе нужно от полугода до нескольких лет, которых пока у нас нет.

— Мы усовершенствовали производственные процессы, что в целом сократит цикл создания ракеты до пяти месяцев при непрерывном поступлении материалов, — ответил змей. — Больше ускорить процессы не выйдет, не на текущем технологическом уровне.

— Значит, нам придётся победить на Востоке, — сказал я. — И, учитывая, что Россия как страна вмешаться не может, мне придётся делать это как цесаревичу и личному знакомому Атамалю, к которому он обратился за помощью.

— Но, разве это не значит, что вы не сможете привлекать войска? — нахмурился Максим.

— Именно, — кивнул я. — Только мой личный флот как магистра ордена святого Александра Невского и князя Ляпинского. Но и оттуда мне взять почти нечего, большинство занято на Рубеже.

— Вам нужен корабль! — догадался Краснов. — Но необычный... вы хотите отремонтировать линкор «Пётр Великий»!

— Именно, — улыбнулся я. — Если у нас будет судно, которое выдержит сражение один на один с флагманом Английской эскадры, мы сумеем удержать регион или даже из-

гнать из него флот Лиги Наций. Только придётся поторопиться, пока они полностью не захватили контроль над Пакистаном.

— Судно получило слишком большую дозу искажения, большая часть обшивки и многие внутренние механизмы остаются под воздействием диссонанса, — произнёс Змей. — Не целесообразно менять все механизмы на новые – это займёт не меньше времени, чем постройка нового судна этого класса.

— Не займёт, если экипаж будет состоять из практиков, контролирующих своё тело, а на борту будут установлены подаватели диссонанса, — возразил я.

— Это... реализуемо, — подумав несколько секунд, признал Змей. — Мы подготовим список необходимых ресурсов и фронт работ. Не менее недели.

— Слишком много, — поморщился я. — За неделю ситуация может в корне измениться.

— Три дня, если не менять обшивку и отказаться от части функций, в частности, оборонительного противообордажного комплекса вооружений, — предложил механоид.

— Хорошо. Готовьте список необходимого! — кивнул я, удовлетворённо. — Если придётся, мы снимем оборудование с других кораблей.

Три дня – это действительно отличный срок, так что я был доволен. Ровно до того момента, пока не вернулся во дворец и ещё на подлёте не почувствовал, что что-то не так. А

уж когда заметил встречающую меня побледневшую Марию, вовсе напрягся, жалея, что не забрался в "Архангела" перед вылетом.

— В чём дело? — спросил я у супруги, на которой буквально лица не было.

— Не здесь, — ответила Мария, но то, как она сжала мою ладонь, говорило о многом. Вздохнув, я приготовился к смертельной схватке, но когда вошёл во внутренние покои, понял, что к такому я не готов.

В малом зале для совещаний сидело двое. Маленький мальчик лет двух и титан, подавляющий всех присутствующих своей аурой.

— Ну здравствуй... сын.

Глава 5

— Не вижу тут того, кого можно было бы назвать отцом, — стараясь сохранить самообладание, ответил я. — Лишь искажённого, скрывающегося под давней личиной и выдающего себя за мертвеца, как они постоянно делают это в Европе и пытались повернуть у нас на родине.

— Я был готов простить тебе убийство матери, но ты осмелился отказаться от меня? — проговорил Борис. — Что же, ты не оставляешь мне выхода. Я возведу на престол чужую мне кровь, сына жены...

— Как жаль, что он также мёртв и по свидетельствам рода Демидовых, и по сведениям тайной канцелярии, — усмехнулся я. — Давид Демидов мёртв, отпет и похоронен на Екатериноградском кладбище вместе со всем, что осталось от его отца. Кто бы ни был второй самозванец, его не признает ни род, ни империя.

— Ты смеешь говорить за империю, чужак? — прорычал Борис.

— Хватит гавкать, отродье. Я давно уже не боюсь ни тебя, ни твоих хозяев из общества, — ответил я, встречая потоки диссонанса ледяным щитом. — А вот твоей марионетке что-то поплохело, того и глядишь загнётся, не выполнив своей миссии. Впрочем, учитывая, что тебе наплевать и на империю, и на её народ, я ничуть не удивлён.

— Ты будешь отречён от престола, — едва сдерживая гнев, проговорил Борис.

— Кем? — я даже рассмеялся, по-новому взглянув на него. — Моя парламентская фракция составляет большинство. Мои сторонники занимают ключевые посты в министерствах и армии. Мой орден — сильнейшая сила на просторах Евразии. Даже если ты вдруг решишь самоубиться об меня, создав зону, я её просто закрою, не впервой.

— Самоуверенности тебе не занимать, как и любому, кто только краешком глаз коснулся истинной силы, — ответил Борис, мечта взглядом молнии. — Да только тебе никогда не сравниться со мной в силе, чужак.

— Как легко ты перешёл с «сына» на «чужака», — усмехнулся я, разглядывая фонащую фигуру. — Но играть словами можешь не ты один. С прошлого раза я стал сильнее и видел такое, что тебе даже не снилось. И если раньше твоя аура меня угнетала, заставляла прикрывать глаза, то, оказавшись в самом центре зоны, я узрел солнце, по сравнению с которым ты лишь дешёвая бракованная лампочка.

— Побывал в центре зоны и решил, что видел всё? — усмехнулся Борис. — Щенок. Ты даже не представляешь...

— Нет, это ты не представляешь, бывший, — ответил я, прервав речь императора. — Ведь ты, всего лишь обиженный ребёнок, которому досталось меньше силы, чем брату жены и детскому сопернику. И ради этого ты превратился в ЭТО. Ты давно уже не человек, и непонятно, был ли им

вообще. Тебе ничем меня не напугать, нечего предложить, а сделать ты со мной ничего не можешь.

— Возможно, ты стал сильнее... немного, — усмехнулся Борис. — Но я всё ещё в состоянии прихлопнуть тебя одним движением мысли...

— Нет, — злорадно усмехнулся я, чувствуя, как во мне всё сильнее становится мелодия резонанса льда. — Ведь я тебя вижу!

— И что с того? Муха тоже видит солнце, но не в состоянии осознать всего величия мироздания, — язвительно улыбнулся Борис, поднимая ладонь. Вот только я и в самом деле видел его меридианы, видел искажённую множеством экспериментов энергетическую структуру и главное — видел, как по ней идут сигналы.

— Нет, — я встретил его взгляд, не отводя глаз, и показательно создаваемый конструкт Бориса сорвался прямо в ладони, больно ударив по нервным окончаниям откатом. — Не в мою смену.

— Что? — Борису потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы осознать произошедшее. Он нахмурился, посмотрел на ладонь, затем перевёл взгляд на меня и усмехнулся. — Ты отречёшься от престола и будешь служить мне. В противном случае я убью не тебя, а всех, кто тебе дорог.

— Как я и сказал — я больше не боюсь тварей диссонанса, — едко усмехнувшись, ответил я. — Я голыми руками закрыл сердце зоны, которое чуть не создала Екатерина. Я упо-

койл хозяина и хранителя Тунгусской зоны. Я закрыл Тунгусскую зону, убрав кровоточащую рану с плоти нашего мира...

— Не твоего, чудак! Нашего! — резко оборвал меня Борис. — И если ты вдруг решил, что я хоть на мгновение приму тебя за сына...

— Моего мира, — возразил я. — Теперь уже моего.

— Ты отречёшься от трона! — повторил император.

— Иначе что? — рассмеялся я. — Попробуешь убить моих жён? Ты будешь не первой тварью, которую я убью за это. И нет, после твоей смерти зона не появится. А если появится — я её закрою. Ты можешь, конечно, рискнуть. Пожертвовать жизнью, чтобы проверить мои слова. Вот только тебе уже точно будет всё равно, прав ты был или нет.

— Я император всероссийский! — грохнув кулаком по подлокотнику, так что стоящий рядом мальчик сжался в комок и запищал от страха, крикнул Борис.

— Император? Да неужто? — я рассмеялся ему в глаза. — А я не против, даже если бы ты был императором, у тебя нет никакой власти. Ни церковной, ни светской, ни даже элементарной силы, чтобы заставить себя слушать. А знаешь? Почему нет? Хочешь быть императором — это легко устроить. Трансляция, развернуть камеру на круговой обзор!

— Нет! — понимание промелькнуло в глазах Бориса за мгновение, до того как камера навела резкость, но снимать было уже нечего — он закрылся каменной стеной.

— Что и требовалось доказать, — фыркнул я. — Свернуть трансляцию... дорогая, нам здесь больше нечего делать, а им нечего нам предложить. История пропавшего императора Бориса Романова закончилась. Теперь есть лишь очень сильная искажённая тварь, убийство которой несколько осложнено последствиями. Не более.

— Как прикажешь, дорогой, — ответила Мария, взяв меня под руку.

— К вам, господа министры, это также относится, — сказал я, взглянув на старую гвардию. — Существо, что выдаёт себя за погибшего пятнадцать лет назад императора Бориса — опасно, но не имеет над вами никакой власти, ведь оно не человек. Давно...

С этими словами я вышел из зала, ведя супругу и чувствуя, как спину буравит полный ненависти взгляд. Вот только я был прав, он ничего не мог мне сделать. Уже нет.

— Позвольте, ваше величество? — спросил Багратион-старший, когда цесаревич удалился и прошло больше минуты в тишине.

— Род Демидовых отказался от Давида? — вместо ответа, спросил Борис.

— Не отказался, его официально похоронили ещё летом, — сказал Леонид. — С согласия не только рода, но и Священного синода. Можно попробовать объявить его живым, но нужны свидетели, сторонники... а мы таковыми быть не

можем.

— Почему? — удивлённо посмотрел на него император.

— Потому что не возразили тогда и согласились с этим решением, — ответил вместо главы тайной канцелярии Мирослав. — И даже если мы вдруг все втроём признаем его наличие, это не сделает его наследником рода Романовых. Единственный, кто мог бы подобное сделать — вы сами, но для этого придётся вернуться на трон. Александр же именно этого и добивается.

— Что за глупость? — нахмурился Борис. — Хочешь сказать, что ему будет выгодно моё возвращение? Это лишит его всякого шанса на будущее.

— Боюсь, не всё так просто, ваше величество, — качая головой, проговорил Багратион-старший. — Он же прямо сказал: он не признает вас правителем, объявит очередной тварью диссонанса, которая приняла облик пропавшего пятнадцать лет назад императора. И в свете последних событий и количества его сторонников, такой ход вполне осуществим.

— Армия будет за истинным правителем, — безапелляционно заявил Борис, но заметив сомнения, повернулся к Мирославу. — Верно я говорю, адмирал?

— Я буду сражаться за вас, ваше величество, — ответил с поклоном Суворов.

— Но не армия, — продолжил Морозов. — И не парламент. И не Боярская Дума. И уж тем более не Священный синод или орден Александра.

— Это бунт, — жёстко произнёс Борис. — Хотите сказать, что после возвращения на трон, меня ждёт мятеж?

— Боюсь, не будет никакого мятежа, ваше величество, — вздохнул Леонид. — Прошу прощения, возможно, я упустил этот момент, но, если вы вернётесь, цесаревич заявит, что мы попали под влияние неизвестной силы диссонанса. И ему поверят. Наши дети будут сражаться на его стороне. Как и их товарищи, сторонники и воины. А с каждым поколением одарённые становятся лишь сильнее, мы с ними не справимся. Просим прощения, ваше императорское величество, но, боюсь, мы проиграли.

— Это шутка? — Борис с удивлением смотрел на склонившихся перед ним министров, на которых он оставил страну, которым доверял как самому себе, а в результате... — Это предательство...

— Нет, ваше величество, ни в коем разе. Мы полностью и до конца будем исполнять данные клятвы. Если придётся, я лично сражусь с сыном за вас... но это ничего не решит, — не распрямясь произнёс Мирослав.

— Мы десятилетиями двигались к своей цели, сражались за неё как на видимом, так и на невидимом фронте, а в результате что? — проговорил император, переводя взгляд с одного помощника на другого. — Что мы проиграли, и всё это было зря?

— Простите, ваше величество, но я позволю себе с вами не согласиться, — ответил Леонид. — Ситуация изменилась,

в корне, но это не значит, что она стала хуже. Возможно, стоит просто... пересмотреть ваш подход к проблеме.

— Раз начал говорить, значит, всё уже продумал, — едва сдерживаясь, произнёс Борис. — Продолжай.

— Если помните, нашей целью было объединение Евразии под новой конституционной монархией, с вами во главе. С такой, при которой страны-противники не станут ущемлены и будут чувствовать себя частью великого целого, а не вассалами, — выпрямившись, ответил Багратион-старший. — Евразийская империя, от океана до океана, с представительством в обществе Тесла, технологиями и правом голоса.

— Именно таков был план, — кивнул Борис. — Пока не появился этот мальчишка.

— Верно, ваше величество, — не стал спорить Леонид. — Но с тех пор произошло множество непредусмотренных событий. И главным среди них, безусловно, стало закрытие Тунгусской зоны. Всё, что было до и после него — можно переиграть, показать в ином свете, выставить как нам выгодно... но не это. С исчезновением Тунгусской и появлением Польской зоны — нет никакого смысла включать в состав империи опасные территории, когда можно развивать чрезвычайно богатые и относительно безопасные. Тем более что это миллионы километров новых жилых площадей.

— Да, этого мы не предусмотрели, — кивнул Борис. — Никто и никогда не делал ничего подобного. Открыть — да. Закрывать... Но это не делает чужака достойным занять пре-

стол империи, который мы готовили.

— Боюсь, ваше величество, что этот вопрос можно уже не обсуждать, — сказал Мирослав. — Как бы ни развернулись события, если Александр будет жив, в течение полугода Боярская Дума без нашего участия и даже при полом противодействии, всё равно возведёт его на престол.

— Даже если я вернусь? — с немалым удивлением спросил Борис.

— Тем более если вернётесь, ваше величество, — поправил его Леонид. — Возможные варианты мы уже описали. К тому же мы сходимся во мнении, что совет Тесла уже не имеет такой силы, а технологии...

— Я видел твой доклад, — недослушав, сказал император. — Они каким-то чудом заполучили чемпиона Первого, да ещё и в работоспособном состоянии.

— Это было не так просто, и результат совершенно не тот, что мы все ожидали, но теперь империя не зависит от доброй воли общества, — прокомментировал Пётр. — Иницирующие машины удалось скопировать полностью и уже опробовать. Инициацию кристаллов ваш сын освоил в массовых объёмах. А теперь ещё и закрытие зоны... Я бы сказал, что теперь он опережает общество.

— Мы опережаем, — нахмурившись поправил его Борис.

— Нет, ваше величество, именно он. И его помощники, — покачав головой, возразил Морозов. — Не знаю, читали ли вы доклады о росте силы его личных учеников, но сильней-

ший из них, граф Рубежный, уже официально приблизился к пятому рангу и пока находится на границе его получения из-за проблемы с освоением стихии. Но в училище ему прочили не выше девятого.

— А ты что скажешь, Мирослав? — мрачно посмотрел на адмирала Борис.

— Я никогда не отступлю от данной клятвы, ваше величество... чего бы мне это ни стоило. Но, боюсь, флот за нами не пойдёт, — ответил, склонив голову, Мирослав. — Возможно, вернись вы до пробуждения Александра, всё ещё можно было бы отыграть, вернуть как было, но сейчас... наша родина изменилась до неузнаваемости.

— Вы предлагаете мне признать поражение и сдаться? Я вас правильно понял? — спросил Борис с угрозой в голосе.

— Если позволите, я бы не сказал, что это поражение, — проговорил Багратион-старший. — Ведь вам наконец удалось занять место в совете и даже повлиять на его решения, хоть и не так, как мы все рассчитывали. Возможно, пора двигаться дальше и, в самом деле, оставить престол вашему сыну и его детям?

— Ты предлагаешь отречься от престола мне? — подлокотник под пальцами Бориса растрескался, а затем осыпался, превратившись в труху. Волны диссонанса ударили по стоящим перед ним мужчинам. Опомнился император, только когда услышал звук падающего тела — ребёнок, которого так и не вывели из зала, рухнул без сознания. Впрочем, он уже

стал бесполезен.

— Простите, ваше императорское величество, — вновь не разгибаясь проговорил Багратион-старший. — Мы выполним любой ваш приказ... но ситуация куда сложнее, чем вам кажется, и вернуться на престол, не оставив место в совете, вы не сможете. Как и передать его третьему лицу.

— То, о чём ты говоришь – полное поражение. И ответственны за него вы трое! — в гневе проговорил Борис. — Я доверил вам подготовку империи к новому светлому будущему, а вместо этого получил нож в спину!

— Светлое будущее у империи будет, ваше величество, — ответил Пётр, встретившись взглядом с Борисом и впервые за долгое время не отведя глаз. — Просто оно будет без нас с вами. Его принесёт новое поколение, которое вполне справится без нас.

— Ну не то, чтобы совсем без нас, — прокашлявшись сказал Леонид. — Мы можем занять в нём почётное место, хотя, да, во многом придётся уступить дорогу молодым. Но не во всём. Отказавшись от трона, вы сможете сосредоточиться на совете Теслы, а один из нас сможет стать вашим чемпионом.

— Имеешь в виду Петра? — уточнил Борис, повернувшись к бывшему сопернику. — Ты этого хотел бы? Сейчас ты регент...

— Регент при цесаревиче. Во мне отпадёт нужда, как только он взойдёт на трон. К тому же на протяжении последнего полугода его команда активно взваливала на свои плечи

все обязанности исполнительной власти, — ответил Морозов. — Думаю, они справятся, если не делать из этого сюрприз.

— То есть ты готов пожертвовать собой, должностью регента, а по сути правителя России, пискнуть здоровьем. И всё это лишь, чтобы уговорить меня отказаться от трона в пользу... сына? — спросил Борис, с удивлением глядя на Петра.

— Если бы не он, я уже был бы мёртв, — не отводя взгляда, ответил Морозов. — Как и многие мои верные соратники. Так что я как минимум должен ему собственную жизнь. К тому же Леонид говорил, что в совете после гибели чемпионов никого не осталось. Так что у меня весьма высоки шансы на выживание.

— Были высоки, — ответил Борис, заставив регента удивлённо поднять бровь. — Как вы верно заметили — ситуация изменилась, и изменилась она не только в России, но и в мире. И общество поспешило приспособиться к новым реалиям, так что новый состав чемпионов уже сформирован... если Елизавета вернёт своего паладина, без чемпиона останусь лишь я. И Первый, который может не спешить, пока его позиция совпадает с позицией Третьего, то есть Англии.

— Выходит, вы вернулись именно за этим? — уточнил Морозов.

— Выходит, так, — кивнул Борис. — Да вот беда, ты на роль чемпиона не подходишь... после сегодняшнего нет ни-

каких сомнений, им должен быть Александр.

— Тогда, возможно, стоит изменить приоритеты? — осторожно заметил Леонид. — Раз не работает кнут, давайте попробуем пряник и чувство собственной важности. Понимаю, ваше величество, это не очень приятно, особенно учитывая все обстоятельства и гибель вашей бывшей супруги, но это лучший вариант.

— Признать поражение и предложить награду? — уточнил Борис.

— Раскрыть все карты и показать, что лишь он справится с заданием. Не врать. Не утаивать. И... предложить то, что он и так получит, но без конфликта с нами, — ответил Багратион-старший. — На мой взгляд, это наш единственный шанс.

— Позовите его обратно... одного, — проговорил Борис, прикрыв ладонью глаза. — И уберите уже этого бесполезного ублюдка с моих глаз.

Глава 6

— Нужно бежать, немедленно! — яростным шёпотом проговорила Мария, стоило нам отойти от зала, в котором остался Борис. — Плевать на вещи и документы...

— Успокойся, — сказал я, хотя и сам был в раздразе. — Мы с ним справимся.

— С ним? С НИМ?! — Мария едва не сорвалась на крик. — Это чудовище, Саша! От него надо бежать...

— Успокойся, — обняв Машу и положив ладони на её слегка округлившийся животик, проговорил я ещё раз. — Он нам не угрожает, а даже если угрожал бы — убивать не станет, не сейчас.

— Нет. Нет, дорогой, этот монстр не остановится, пока не подчинит нас себе или не убьёт, — проговорила первая супруга. — Нужно улетать как можно скорее. На север, к Инге! Объявить общий сбор, весь орден...

— Тихо, — оказавшись в покоях, я позволил себе взять девушку за точки на голове и аккуратно сбил её волнение. Почувствовавшая изменения Мария, надув губки, отстранилась и замолчала, недовольно глядя на меня. — Отпустило?

— Отпустит, как только мы уедем, — ответила Мария.

— Бежать нет смысла. Но, если хочешь, я организую тебе эвакуацию, — сказал я, глядя на супругу. — Хотя времени у нас не так много.

— Что ты собрался делать? — спросила Мария, когда я активировал коммуникатор и набрал Краснова.

— Максим, привет-привет. Извини, нет времени. Вопрос срочный, — проговорил я, не дав товарищу вставить и слова. — Бомба готова? Подавитель для боеголовки?

— Резонатор? Он в разобранном виде, — ответил ошарашенный Краснов. — На сборку надо будет часов пять...

— Значит, не вариант. Пяти часов у нас нет.

— А для чего нужен подавитель? — поинтересовался Максим.

— Есть вероятность, что кое-кто попыбует открыть врата диссонанса во дворце, — ответил я, не став скрывать опасения. — Варианты?

— У нас есть один подавитель, в лаборатории, — проговорил Краснов и поморщился, когда голова змея повернулась к нему. — Он достаточно мощный, хоть и стационарный. Если отсоединить и перевезти во дворец, можно подключить к трансформатору. Общественная сеть не подойдёт, как и реактор судна – подавитель его просто заглушит.

— По времени? — уточнил я.

— Часа два... минимум, — ответил Максим, разведя руками. — Быстрее – никак.

— Два часа... — я зажмурился, пытаясь оценить варианты. — Придётся рискнуть с боеголовкой. Разницы между пятью часами и двумя в данном случае нет. Подготовь её к транспортировке катером. Экранируй...

— Хорошо, сделаю, — подтвердил Краснов, и я переключился на другой вызов.

— Константин, зайди к нам, будь добр, — сказал я и, не дожидаясь согласия, активировал следующий номер. — Ангелина, прерви все передачи, возьми «Феникс» и жди во внутреннем дворе.

— Ясно, буду через пятнадцать минут, — не став задавать лишних вопросов, ответила любимая жена.

— Ангелина будет через четверть часа, — сказал я, прекратив вызов. — У тебя как раз есть немного времени собраться.

— А ты? Хочешь остаться здесь? — спросила Мария. — Это неразумно.

— Я не намерен бежать. Если Борис не покинет дворец в течение пяти часов, мы используем на нём Резонатор Краснова, подавим все его силы диссонанса и возьмём под стражу. Или прикончим, если он будет сопротивляться, — сухо ответил я. — Без своих сил он будет просто человеком.

— Не думала, что ты станешь столь безжалостен, — удивлённо проговорила Мария. — Вначале Екатерина, теперь отец...

— Если он попытается угрожать вам или мне, то не оставит мне выхода, — сказал я, пожав плечами. — Кроме того, пусть это и жестоко, но я говорил то, что думаю — он мне не отец, так же как России не правитель. Иначе он бы не бросил свою страну и семью ради непонятных целей.

— Разрешите войти, ваше высочество? — постучав, спросил Константин, и я жестом пригласил его внутрь. — Вызывали?

— Ты же знаешь, кто сейчас сидит в одном из залов дворца, это не станет для тебя сюрпризом? — спросил я, и тот покачал головой. — В таком случае у меня к тебе вопрос: на чьей стороне ты окажешься, если твой отец попытается меня устранить?

— Это неизбежно? — нахмурился Константин.

— Пока – нет, но он принёс клятву верности, так же как принёс её ты. И, возможно, мне придётся его нейтрализовать.

— Я буду на вашей стороне, ваше высочество, — слегка коснувшись рукой груди, ответил Багратион-младший. — Но постараюсь сделать всё возможное, чтобы отец не вмешивался в противостояние. Благодаря вашим тренировкам я стал существенно сильнее, так что справлюсь с ним в одиночку.

— Это хорошо, — кивнул я. — Если придётся драться, мы нейтрализуем действие диссонанса, так что, скорее всего, биться придётся по старинке. Врукопашную или с применением огнестрельного оружия.

— В таком случае нам нужно обеспечить перевес. После изменения состава гвардии и охраны дворца это не будет проблемой. Разве что Василий окажется на стороне князя Суворова, — заметил Константин.

— Вряд ли, но это легко проверить, — сказал я и, вызвав Строгонова, почти не удивился, что он уже в доспехе. — Василий, зайди ко мне... и вызови гвардейцев, состоящих в ордене на боевое дежурство.

— Всех, ваше высочество? — только и спросил Строгонов.

— Всех, кто в столице, — ответил я. — Не слишком торопись, часов пять у нас есть, работаем спокойно и без явной спешки.

— Сделаем, ваше высочество, — коротко сказал Василий и отключился.

— Вы же понимаете, что обратной дороги нет, ваше высочество? — спросил меня Константин, когда я открыл сейф и достал крупнокалиберный револьвер. — Если вы решитесь на это, нужно будет идти до конца.

— Если ты спрашиваешь меня, хочу ли я конфликта — нет, не хочу, — ответил я, сунув револьвер в кобуру. — Но, если мне не оставят выбора, я буду к нему готов.

— Ваше высочество... — донёсся приглушённый бронёй голос Строгонова от двери, и в покои вошли шестеро гвардейцев в полной боевой выкладке. — В данный момент в Петрограде находится семьдесят человек из кандидатов и послушников ордена, двадцать учеников и шесть действующих учителей. Учитывая, что вы приказали не привлекать внимание, они явятся в течение трёх часов.

— Отлично, пока прошу остаться в приёмной. Думаю, в

покоях нам сейчас ничего не угрожает, — сказал я, и гвардейцы вышли в коридор. — Дорогая, как только Ангелина прилетит, тебя сопроводят на взлётную полосу, и вы отправитесь в Ляпинское княжество. Если что, будем собирать войска там.

— Этого не понадобится, ваше высочество, — неожиданно проговорил Константин. — Подошёл отец, его не пускают, но он просит аудиенции.

— Хорошо, пусть зайдёт, — приказал я, и под охраной Строгонова в покои вошёл Багратион-старший. Несмотря на общую собранность и дежурную вежливую улыбку, можно было с лёгкостью сказать, что его одолевает жуткая усталость.

— Ваше высочество, прежде всего прошу вас не принимать поспешных решений, за которые всем нам может быть потом стыдно, — проговорил Леонид. — Я прекрасно понимаю вашу обеспокоенность и желание действовать, но этого не понадобится. Если вы готовы поговорить с вашим отцом, всё можно закончить к взаимному удовлетворению.

— Взаимному? — усмехнувшись спросил я.

— Совершенно верно, — кивнул Багратион-старший. — К сожалению, у меня не так много времени. Я обещал, что позову лишь вас. Но могу заверить, что ситуация совершенно не такая, как вам могло показаться с первого, или даже со второго взгляда. Прошу вас набраться терпения и помнить, что все мы на вашей стороне.

— На моей? — удивлённо посмотрел я на Леонида.

— Да, ваше высочество. На вашей. Прошу, успокойтесь, если вы сейчас примете необдуманное решение, будете об этом жалеть всю оставшуюся жизнь, — склонившись, произнёс Багратион-старший. — Я не прошу вас бездействовать, но, прежде чем принимать необратимые решения, поговорите с ним. Сейчас он готов к разговору, возможно, даже к компромиссам.

— Хорошо. Один разговор ничего не изменит, — ответил я, прекрасно понимая, что нам нужно выиграть несколько часов. — Василий, Константин, вы должны проследить, чтобы моя супруга покинула дворец, как только Ангелина приземлится на взлётную полосу.

— Как прикажете, ваше высочество, — склонились оба мужчины, а я последовал за Леонидом. Однако перед самым входом он чуть замешкался и повернулся ко мне.

— Будьте аккуратны, но настойчивы, ваше высочество. Твёрдо стойте на том, что для вас является принципиальным, но не позволяйте себе хамства, — дал наставления Багратион-старший. — Вы сильно отличаетесь от своего отца: его воспитывали с самого детства как правителя, и то, что для вас необычно или даже раздражительно, для него не более чем норма, нарушение которой близко к оскорблению.

— Оскорбить я его и без всяких намёков могу, — усмехнулся я.

— Да, в этом я несколько не сомневаюсь... но прошу по-

думать о будущем и возможности компромисса... И не показывайте, что вы к нему готовы, пока не получите необходимых для себя условий, — Леонид ещё раз взглянул на меня и неожиданно перекрестил. — С богом, ваше высочество.

Кивнув, я шагнул в открывшиеся передо мной двери и спустя пару мгновений уже стоял напротив пустого трона. Борис же расположился у окна, молча наблюдая за происходящим во дворе. А понаблюдать там было за чем. Вот приземлился мой перехватчик, группа гвардейцев, окружившая Марию, подвела первую супругу к судну, и девушка проворно забралась в кабину, после чего корабль стрелой взмыл в небеса.

— Сколько людей ты решил обречь на смерть, ради бесполезной попытки переворота? — не поворачивая ко мне головы, спросил Борис. — Или, думаешь, я ослеп?

— Никакой попытки переворота не будет, — сдержавшись, ответил я. — Чтобы был переворот, на престоле должен сидеть монарх, чьё место хочет занять другой, а я просто пересяду с одного стула на другой. Так что это лишь укрепление властной вертикали и обеспечение безопасности.

— Самоуверенность тебя погубит, — усмехнувшись, повернулся ко мне Борис. — Тебе со мной не справиться. Я в сотни раз сильнее. В тысячи. Если понадобится, я уничтожу весь твой орден, вместе с армией и флотом.

— И будешь править руинами? В таком случае ты делал всё верно, искусственно разжигая смуту, — ответил я, пожав

плечами, и уселся за стол напротив трона. — Ещё немного, и от страны остались бы только дымящиеся головешки.

— И ты ставишь себе в заслуги то, что этого не произошло? — поинтересовался Борис, а затем, на мгновение нахмурившись, рассмеялся. — Серьёзно? Ты и в самом деле решил, что только благодаря тебе страна осталась в целости?

— Так уж вышло, что я непосредственно принимал в этом участие, — ответил я, пожав плечами. — Хоть и не всегда я был тем, кто ставит точку.

— Забавно... забавно, — покачав головой, проговорил император, а затем, отвернувшись и замолчал на несколько секунд. Я хотел было возразить, когда он хмыкнул и подошёл к трону. — Хочешь знать, что происходило на самом деле до твоего вмешательства? Возможно, тебе будет небезынтересно, какой дворец ты поломал, таская из него материалы для строительства своего сарайчика?

— Время у нас есть, так что я никуда не тороплюсь, — ответил я, откинувшись на спинку кресла.

— Время есть... собираешь войска? Впрочем, это неважно. Если понадобится, вы все будете мертвы в течение пары секунд, — отмахнулся Борис, садясь напротив. — С чего бы начать, чтобы ты понял... Наверное, стоит сказать, что многонациональный российский народ неоднороден, но скован общими принципами, которые формировались тысячу лет. Как минимум пятьсот.

— С Петра Великого? — уточнил я.

— С чего вдруг? Нет, с его троюродного прадеда, Ивана Васильевича, прозванного также Грозным, — ответил Борис. — Именно он начал формировать единое государство, низводить всех своих родственников до статуса вассалов, лишая прав на престолонаследие, и вводить новые законы. Несмотря на очевидные проблемы, умер он, имея двух наследников, пусть и слабых здоровьем... впрочем, это неважно. С этого времени Русь была единым государством, а не разрозненными уделами или княжествами, как большая часть стран Европы.

— Возможно, ты не в курсе, но та же священная римская империя имеет в составе больше сотни герцогств, баронств и личных имений. Польша была порезана как овощной пирог, на мелкие куски, в каждом из которых были свои магнаты и шляхи, имевшие право выбирать себе короля... — проговорил в задумчивости Борис, и я понял, что его и в самом деле волнует эта тема. — Именно поэтому они раз за разом проигрывали России. Даже объединившись, они были лишь кусками, а мы — целым. Но по этой же причине мы не в состоянии долго находиться в мире.

— Свободолюбивый дух мешает? — хмыкнул я.

— Если очень грубо, то можно и так сказать. Они тянули одеяло на себя... ну и дотянули. Вначале до Первой мировой, а затем и до развала империй, — ответил Борис. — Однако, как ни удивительно, но они нашли выход из подобного положения. Британцы, я имею в виду. Они освободили сво-

их вассалов, сделав их частью федерации. Законно избранные президенты, принимая присягу, приносят клятву королю Великобритании, а жители даже не задумываются, чем им это грозит.

— И ты хотел сделать так же? — спросил я. Слова императора заставляли задуматься, не укладываясь в голове.

— Хотел? Я делал также. На протяжении десятилетий они хотели, чтобы Россия ослабла, чтобы ресурсы нашей империи стали общими, и для них не стало бы большой ценой вхождение в федерацию, особенно если бы они чувствовали себя победителями, — взглянув на меня в упор, ответил Борис. — Двенадцать стран со своими королями, президентами, регентами, канцлерами и первыми министрами, объединились бы в одну империю, омываемую с трёх сторон океанами.

— А немцев с французами кто-нибудь спрашивал? — уточнил я.

— У нас отличные отношения с Елизаветой, так что брак не стал бы неожиданностью, — пожал плечами Борис. — Что же до французов — это их проблемы, что они порубили головы своим королям и устроили пять революций.

— И тебя не смущало бы даже то, что общество Тесла пустило бы руки по плечи в закрома нашей страны? — не веря, спросил я.

— Два из шести членов общества были бы правителями одной империи с сильнейшим флотом и армией. Ты ду-

маешь, кто-то сумел бы сказать что-то против? — подняв бровь, язвительно поинтересовался Борис.

— Остальные четверо вполне могли, — пожал я плечами.

— Стоило империи появиться, как Япония пошла бы на попятные, удовлетворившись Кореей и частью Китая, — отмахнулся Борис. — Голосов стало бы поровну, а после того как Япония стала бы нейтральной, Индия, наконец, сумела бы выйти из протектората Британии, и, скорее всего, голосовала бы против прежнего сюзерена...

— Как жаль, что все эти светлые планы никогда бы не состоялись, — усмехнувшись, ответил я. — Ведь стоило империи распасться, никто не стал бы ждать, пока она объединится. Скорее, растащили бы по кускам.

— Чтобы подобного не произошло, и были договорённости как внутри общества, так и вне его... именно для этого я долгое время оставался вне центрального совета общества, контролируя отношения внутри него, — ответил Борис. — И силы, конечно же.

— А что насчёт Ордена Асклепия? Пытавшихся совершить государственный переворот боярах? Вражды Морозовых между собой, в конце концов? — спросил я. — Или братоубийственная война и бесплодие среди одарённых империи — это просто небольшое недоразумение?

— Это необходимая жертва для столетий мира. Во время Первой мировой людей погибло куда больше, — возразил Борис.

— Нет, с учётом Польской зоны – уже нет, — сухо ответил я. — Миллионы...

— Необходимая жертва, — повторил бывший император. — Та же, на которую пошла твоя мать, чтобы вытащить тебя из комы. Та же, ради которой я отказался от престола, чтобы вернуться в объединённое государство и обеспечить мир и процветание.

— Отказался? Что-то незаметно.

Борис сжал кулаки, и по залу прошла волна диссонанса, не оказавшая на меня никакого воздействия.

— Да уж... — хмыкнул Борис, справившись с эмоциями. — Чужак в теле щенка, не понимающий ни черта в геополитике, поучает меня, как управлять государством. Хотя добился лишь того, что оно уменьшилось на три западных губернии.

— К сожалению, в этом моё участие минимально, — ответил я. — Но я с удовольствием расправлюсь с тем, кто ответственен за эту катастрофу.

— У тебя есть такой шанс, — проговорил Борис.

— Если речь о том, чтобы отказаться от престола и бросить на самотёк своих людей и страну – можешь даже не говорить, неинтересно, — усмехнулся я. — Я уже видел, к чему приводят ваши планы.

— Пока мы с Елизаветой сдерживаем остальных членов общества от вторжения, но напряжение и недовольство таким решением нарастает, — с нажимом проговорил Борис.

— Особенно после твоих нападений на концентрационные лагеря, в которых содержались искажённые. И не надо делать вид, что ты тут совершенно ни при чём. Среди правителей идиотов нет.

— Только циничные уроды, для которых жизнь сотен тысяч ничего не стоит, — ответил я. — Не нужно втягивать меня в свои интриги и проблемы.

— Это не мои интриги, и уж тем более не мои проблемы, — проговорил Борис, а затем, отклонившись на спинку трона, усмехнулся. — Они уже стали твоими. А когда я встану с этого неудобного стула, навалятся с полной силой. И выбор у тебя простой: либо я уйду отсюда твоим союзником и покровителем, либо незнакомцем, который не пошевелит ради тебя и пальцем.

Глава 7

— Главное я услышал — ты опять уходишь, собираясь оставить страну и престол, — проговорил я. — Опять...

— Можно подумать, ты добиваешься не именно этого, — усмехнулся Борис. — Вопрос: чем ты готов пожертвовать ради своей цели?

— Так, ты всё равно уйдёшь, так или иначе, — пожал плечами, ответил я. — Зачем мне ради этого что-то делать? Наоборот, ради этого я готов кое-что не делать, например, оставить тебя в покое.

— Кажется, ты не улавливаешь мысль, — нахмурился бывший император.

— О, нет. Я всё прекрасно понял, — ответил я, загибая пальцы. — Хороший вариант — ты уходишь и больше не вмешиваешься в политику империи. Плохой вариант — ты уходишь и... всё равно не вмешиваешься в политику империи, потому что я тебе не позволю. Или это первый плохой, а второй хороший?

— И кому я пытался донести мысли? Явно же ты не обучаем... — покачал головой Борис. — Хорошо, скажу прямым текстом: сделаешь как нужно, и на твоей стороне будет три члена совета Тесла из шести. Любое решение против России окажется недействительным. Правда, и нам это дополнительных шансов не даст, но обеспечит нейтралитет

общества.

— Если это требует моего отречения от престола — неинтересно, — ответил я. — Мы слишком долго страдали и сражались, чтобы я бросил своих людей, нарушил данное тысячам подданных слово и отправился в неизвестность. Меня это не устраивает.

— Значит, между интересами империи и своими шкурными желаниями ты выбираешь себя? И почему я не удивлён, — с едкой насмешкой проговорил Борис.

— Нет, — спокойно ответил я. — Это значит, что я не собираюсь идти на поводу у существа, которое хотело разрушить родную для меня страну только ради того, чтобы увеличить свои владения.

— Мир и безопасность на сотни лет — вот ради чего было всё задумано! — возразил Борис. — При чём тут территория?

— При том, что я не верю ни единому твоему слову, — ответил я. — Пока всё, чему я оказался свидетелем, говорит только об одном: ты жаждешь власти, даже ценой миллионов жизней.

— Я готов отказаться от престола Российской империи, а ты говоришь мне о жажде власти? — подняв бровь, произнёс Борис. — Где твоя логика, чужак?

— Готовность отказаться от престола и вернуть все регалии власти для коронации — это уже хорошая тема для разговора. Но сделать это придётся в любом случае, — ответил

я. — Империи нужен император, и сейчас на такую роль подхожу лишь я.

— Или я, — ответил Борис. — Что бы ты ни говорил, у меня достаточно сил и средств, чтобы вернуться на престол. Вот только это никогда не было моей целью. Иначе я бы никуда не уходил. Но если придётся, я готов на такую жертву.

— И мы опять возвращаемся к хождению по кругу... — вздохнул я. — Камеру включить? Могу даже речь на возвращение написать, несколько вариантов.

— Ты... — Борис на долю секунды сжал кулаки, но затем расслабился. — Мои советники предупреждали о возможной диверсии, что ты готов развязать войну, лишь бы оставить трон за собой, объявить меня тварью диссонанса, меняющей облик.

— Про смену облика я ничего не говорил, хотя и не отбрасываю такого варианта. А в том, что передо мной тварь диссонанса, не приходится сомневаться, — ответил я, махнув в его сторону ладонью. — Именно от них я и защищаю империю и её граждан всё это время. Как умею, естественно. И судя по закрытию Тунгусской зоны, я в этом лучше всех.

— И об этом они тоже говорили, — хмыкнул Борис.

— О том, что я хорош? — усмехнувшись, уточнил я.

— Нет, о том, что твоё самомнение не имеет никаких разумных пределов, — вернул мне улыбку Борис. — Пусть даже ты единственный человек на земле, который в состоянии закрывать аномалии, хоть я в этом и сомневаюсь, твоей судь-

бы это не изменит.

— Моя судьба... Может, у меня и чересчур скромное самомнение, но я понимаю, что она зависит не только от меня, но и от моих друзей и врагов, — ответил я. — Что не мешает мне брать ту часть, которую я в состоянии взвалить на свои плечи.

— И умереть, вместе с империей, если у меня не будет чемпиона, способного переломить ход голосования, — сказал Борис и тут же поднял ладонь, останавливая мою следующую фразу. — Вы будете сражаться за каждую пядь земли, окружите страну рубежом и будете сдвигать его на несколько километров с каждым крупным поражением. На твоих руках будет кровь миллионов невинных... или ты мне поможешь.

— Не так давно мне уже выкатывали ультиматумы. Вот только решили не развязывать войну, поняв, что в любой момент могут лишиться собственных столиц. И никакие лагеря им не помогут, — ответил я.

— То есть ты готов взять на свою душу такой грех? — уточнил Борис. — Убить миллиарды?

— Как сказал один правитель: «Зачем нам мир, в котором не будет России?». Взаимное гарантированное уничтожение меня вполне устроит. Если устроит наших врагов... но я сомневаюсь, что они на такое пойдут.

— Такие вещи неплохо было бы подтверждать. И не словами, а, по крайней мере, испытаниями. Так чтобы все видели и боялись, — усмехнулся бывший император. — И за-

одно продемонстрировать, что ты в состоянии как открыть, так и закрыть зону. Повторить подвиг, пусть и в миниатюре.

— Миллионы жизней ради эксперимента? Серьёзно? — спросил я, чуть наклонив голову.

— Ты непоседлив, — поморщился Борис. — То говоришь, что весь мир в труху, то жалеешь кучку людей. Для правителя это недопустимо. Твои угрозы и обещания должны исполняться, а значит, ради спасения миллиардов, которые неминуемо погибнут во время войны, ты должен быть готов убить десятки, а если понадобится и сотни тысяч.

— Я обещал, что уничтожу столицу напавшей на нас страны и без колебаний исполню угрозу. Но не раньше, чем на нас нападут.

— Тогда будет уже поздно. К тому же в данный момент только моё и Елизаветы покровительство спасает страну от расправы, — заявил бывший император. — Стоит мне отозвать свой голос, как Германия отзовёт союзное соглашение, а уже на следующий день на Россию нападёт Никарагуа или Папуа, или ещё какая-нибудь Лумпура. Любая страна, находящаяся под полным протекторатом Великобритании, которую им будет не жалко. В твоих же интересах не допускать подобного, и это мой первый и последний бесплатный совет.

— Уже предвкушаю, какие будут платные, — усмехнулся я. — С ужасом думаю об их неочевидности и эффективности.

— Шут на троне империи... — покачал головой Борис.

— Даже Пётр был бы на этом месте уместней.

— Ну прости, я даже не знаю, что в этом больше виновато — наследственность или отцовское воспитание, — развёл я руками. — К тому же я так и не услышал конкретного предложения.

— Всё просто. Я отрекусь от престола, в сокровищницу вернутся скипетр, держава и шапка Мономаха, — сказал Борис. — Ты же вместо того, чтобы претендовать на престол, станешь чемпионом России в противостоянии совета общества.

— Ясно-понятно. Обойдусь и без короны, — всплеснув руками, огорчённо проговорил я и поднялся со своего места. — Спасибо за экскурс в историю и информативную беседу. Всего хорошего и удачи.

— Если ты не станешь чемпионом, Россия обречена, — жёстко сказал Борис, и я понял, что император не шутит, а действительно так считает.

— В империи хватает талантливых бойцов. Тот же князь Морозов пока в разы сильнее меня, — возразил я. — Не вижу причины...

— Твоя близорукость может соперничать только с твоей невообразимой наглостью и самолюбием, — усмехнулся Борис. — И всё же ты прекрасно понимаешь, что лучше всего подходишь на эту роль.

— Нет, всё ещё не понимаю, — ответил я. — Если вы с Елизаветой заодно, почему бы её бессмертному паладину с

неразрушимым щитом не отстаивать ваши интересы? Он же непобедимый.

— Сказал одолевший его в бою, — усмехнулся Борис.

— Вас ввели в заблуждение, — ответил я, заставив бывшего императора нахмуриться. — Это не моя победа, а одного из моих помощников, что сейчас сражается на Рубеже, отстаивая звание командира седьмой роты.

— Не передёргивай. Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю, — вновь поморщился император.

— Чем больше мне говорят, что я что-то понимаю... Считай, что я тупенький, но просто везучий, — я развёл руками с наигранной беспомощностью. — Надо что-то — говори прямо.

— Ты... хорошо. На секунду представим, что тебе и в самом деле только исполнилось восемнадцать... — вздохнул Борис. — Генрих не может проиграть, но и выиграть ему тоже не дано. После предыдущего поражения он получил новый камень, но он куда слабее. К тому же его навык не идеален. Сейчас максимум, который ему доступен — это блокировать решение совета. А для остановки готовящегося вторжения нам нужна победа в поединке.

— И снова повторю: если ради непонятных интересов мне придётся оставить страну, которая находится на грани войны, с наседающими тварями с запада... — я покачал головой. — Мне есть чем заняться, и для страны я буду полезней на своём месте. Так что лесом — это туда.

— Ты... как же тяжело разговаривать с простолюдинами, которые даже не представляют как... — в сердцах проговорил Борис.

— О, а как тяжело разговаривать с возомнившими о себе непонятно что, зажавшимися и никогда не видевшими жизни политиками, — скорчив скорбное выражение лица, ответил я. — Особенно с теми, кто родился с золотой ложечкой во рту и шёлковой царской рубашке. Ты даже не представляешь, как живёт народ России.

— Народ? Народ?! — Борис от возмущения чуть с трона не вскочил. — Господи, да какой, к чёрту, народ? Кто его спрашивает? Они в любой стране будут думать и делать то, что им скажут. Достаточно поездить по мозгам, и они будут любить и ненавидеть тех, кого надо за крохотные гроши, никак не меняющие их жизнь! Они скот!

— В этом наше принципиальное отличие. Они — не скот. Они — люди со своими судьбами, надеждами и страхами, — жёстко ответил я. — Пусть тебе их и не понять...

— Там нечего понимать. Они всю жизнь крутятся как белки в колесе: работа, дом, работа, кладбище. Большинство из них ничего не создаёт и ни за что не отвечает. Они просто единицы в статистике. Винтики... — Борис не выдержал и перешёл на повышенные тона. — Любой правитель, что попыбует думать о них иначе — свихнётся и ничего, НИЧЕГО не сможет сделать на мировой арене. Потому что любое действие будет стоить десятки тысяч жизней. А то и сотни.

— Думаю, на этом можно заканчивать разговор, — сказал я поднимаясь. — Я обойдусь без старых регалий. А люди, которых ты считаешь скотом, поддержат меня. Тебе нечего мне предложить.

— Стой, — позвал меня Борис, когда я уже подошёл к дверям. — Если ты откажешься от сделки — погибнут миллионы. Если при этом начнёшь осуществлять свою угрозу — миллиарды.

— Я подумаю над наглядной демонстрацией, чтобы провести её без лишних жертв, — проговорил я. — На этом всё.

— Этого мало, — вновь одёрнул меня Борис. — Твои выходы по всему миру продемонстрировали, что у тебя есть возможность быстро перемещаться, но даже с открытием и закрытием зоны это не станет окончательным сдерживающим фактором. Совет может решить, что смерть пары миллионов одарённых — достойная цена, чтобы нейтрализовать угрозу всему миру. Убить тебя, всех твоих близких и всё население Петрограда заодно.

— Это угроза? — повернувшись, спокойно спросил я.

— Это твоё будущее, если ты не прекратишь самодеятельность и не начнёшь думать масштабнее. Я готов оставить трон, ради сохранения страны...

— И занять место в совете Теслы, я это уже слышал. Не слишком большая цена, — ответил я. — Что-то ещё?

— Ты нужен мне на роли чемпиона, — нехотя проговорил Борис.

— Если я настолько нужен, придумайте, как сделать так, чтобы я участвовал в ваших играх без необходимости терять право на престол, — жёстко ответил я. — Если это невыполнимо, просто посылайте ваших чемпионов ко мне, а я их прикончу одного за другим или освобожу и наставлю на путь истинный. Как механоида.

— Ты... — Борис посмотрел на меня со смесью сожаления и отвращения, но затем нахмурился. — Не занимай никаких постов в ближайшие месяцы.

— Подготовка к коронации займёт не меньше полугода, так что времени достаточно, — ответил я.

— Нет, того мало... — поморщился Борис. — Но, возможно, я просто не с той стороны подходил к этому вопросу. Если взять весь совет под контроль и ввести новое правило... Да, на этом можно будет сыграть...

— Реликвии рода Романовых должны вернуться в сокровищницу сегодня же, — сказал я. — Если сделаете это, я, так и быть, буду готов принять вашего дуэлянта.

— Это вряд ли, — усмехнулся бывший император. — Но ты же хочешь остановить вторжение в Персию, верно? Так или иначе, тебе придётся встретиться с флотилией не наследного принца Японии. Так почему не сыграть на опережение?

— Хочешь, чтобы я вызвал принца на поединок? И что это решит? А главное, кому и что докажет? — не понял я.

— Принц Нарухито – младший в очереди на наследова-

ние, но один из гениев диссонанса. И сейчас именно он является чемпионом при члене совета, представляющем Японию, — объяснил Борис. — Если всё разыграть правильно, ваша схватка может быть приурочена к заседанию совета. Кроме того, император-солнце не желает вести полноценную войну с Россией. Если ты победишь его сына, не убивая, это докажет и твою силу, и лояльность. Голос в совете будет если не за нами, то станет нейтральным, а это уже большой успех.

— Всё это время ты говорил, что принц не может быть чемпионом, — едва скрывая раздражение, сказал я. — Убеждал, что единственный шанс спасти Россию — это оставить престол... А теперь выясняется, что один из принцев Японии — чемпион?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.